

Денис Старый

МОСКВА
НЕ
ПАЛА!

ORTSKOMMANDANTUR

ПОДПОЛЬЩИК

ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ СДАЛСЯ

Денис Старый
Подпольщик

«Автор»

2026

Старый Д.

Подпольщик / Д. Старый — «Автор», 2026

Я очнулся в августе 41-го. Фронт ушёл на восток, армия отступила. Я, лейтенант Красной Армии остался в окружении. Собрав небольшой отряд красноармейцев, мы грызли землю, прорывая кольцо окружения. Потом приняли бой вместе с защитниками белорусского города Гомель. И я сознательно оказался в оккупированном городе. На улицах немецкие патрули, кругом доносчики и облавы, а за связь с партизанами виселица. Нацисты убивают людей, свозя их в расстрельные ямы за городом, сгоняют в концлагерь. И мой фронт теперь здесь. Немцы решили, что Гомель покорился, но они ошибаются. Сначала пропадёт патруль, потом сгорит склад... А после впервые произнесут новое имя, которое станет дурной приметой для оккупантов. Призрак Гомеля. И пусть огонь горит под ногами фашистских мразей.. Вечная слава героям!

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Денис Старый Подпольщик

Глава 1

Наше время

Грязь и вода проникали в тактические ботинки. Вода доставляла неудобства, но только и всего. Мысли, устремления лишь на то, чтобы выполнить боевую задачу. Взять тот укрепрайон, у которого уже полегло немало парней.

Мы брали опорник, самый злой из девяти, где засели спецы из Германии и Польши. Третий час мы вгрызались в эту проклятую лесополосу, выжигая противника из каждой норы. Устали до чертей. Но на соседнем участке парни уже продвинулись вперед и нельзя никак отставать.

— Пошли, пошли, пошли! — заорал я в гарнитуру, хотя из-за грохота автоматных очередей парни скорее читали по моим губам и жестам.

Воздух над нами мерзко, по-комариному зудел. В сером небе висели вражеские и наши «Мавики». Каждые несколько минут сверху летел сброс — ВОГи или самодельные «хаттабки» рвались то слева, то справа, осыпая нас комьями мерзлой земли и секущими осколками.

Причем так густо кружили «птицы», что наверняка операторам приходилось применять все свои навыки, чтобы выполнять задачи и не сталкиваться друг с другом, хотя еще вначале штурма я видел несколько дуэлей бездушных машин, сбивавших недруга ценою падения собственного БПЛА.

— Воздух! — гаркнул пулеметчик, вжимаясь к стволу ближайшее дерева. Сзади грохнуло, запахло кислым тротилом, но обошлось без криков «ранен!». Значит, идем дальше.

Впереди показался первый крупный блиндаж. Из узкой амбразуры и черного зева входа огрызались огнем, не давая нам поднять головы. Пули с противным свистом срезали ветки прямо над моей каской.

— Крою! — крикнул второй номер, выпуская длинную очередь из ПКМ прямо по накату блиндажа, заставляя стрелка внутри на секунду пригнуться.

Этой секунды мне хватило. Я рывком сократил дистанцию, упал на бок, спасаясь от ответной очереди, и потянулся к разгрузке. Обычной гранаты-«эфки» для этого укрепления было мало.

Показал жестом бойцу из нашей штурмовой тройки, который тащил нужный боеприпас. Он поднес, ценой ранения в ногу тяжелую противотанковую мину — мы еще перед выходом кустарно переделали под нее взрыватель для штурма закрытых помещений.

— Ложись! — выкрикнул я, но боец уже лежал и истекал кровью, пуля попала ему в вену на ноге.

Земля содрогнулась. Ухнуло так, что из входа выплонуло облако густой серой пыли вперемешку с щепками. Не дожидаясь, пока пыль осядет, я первым прыгнул в узкую, извилистую траншею. Я повел стволом автомата, выявляя противников. Никого...

За мной, в метрах ста уже подходила вторая тройка из моего взвода. Опорник наш. Тут уже без вариантов. И это несмотря на то, что здесь еще был враг, человек шесть, что для опорника в последние месяцы войны даже и не мало. Как же изменилась война!

Началась зачистка. Адская, грязная карусель ближнего боя. Короткие очереди, броски гранат за повороты окопа, крики, запах сгоревшего пороха, свежей крови и перекопанной глины. Мы шли жестко, выдавливая их метр за метром. Бравые европейцы, приехавшие на

сафари на русских, но ставшие сами дичью, дрогнули. Огневой контакт стал смещаться дальше, вглубь их второй линии. Мы взяли первую траншею.

И тут тональность боя изменилась.

Где-то далеко, за линией горизонта, басовито ухнуло. Раз, другой, третий. Выходы тяжелой арти. Я рефлекторно вжался в стенку траншеи, прислушиваясь. Звук нарастал, превращаясь в леденящий душу, пронзительный визг, падающий прямо на нас.

— Это не по нам, это перелет... — начал было кричать командир второй группы, но осекся.

Я поднял голову и вдруг понял. Не перелет. Они поняли, что потеряли первую линию вместе с теми своими, кто не успел отойти. И они вызвали огонь артиллерии прямо на свои собственные позиции. Жестокая война... коса на камень. Но мы победим!

— В укрытия! Арта! Кроют по сво...

Договорить я не успел. Мир вокруг схлопнулся.

Чудовищной силы удар обрушился сверху, сминая реальность. Я не слышал взрыва — звук просто исчез, сменившись абсолютной, звенящей пустотой. Меня подбросило, как тряпичную куклу. Я еще видел, как вдруг земля стала удаляться от меня. Успел осознать, что это все...

Как там? Воины не умирают, они уходят в вечность? Видимо, придется на себе проверить это суждение.

Темнота....

БССР. Жлобинский район. Деревня Старая Рудня

17 августа 1941 года

Сознание возвращалось странно. Вообще странно, что оно возвращалось. Звуки... Они наполняли все вокруг, но были какими-то другими. И автомат строчит не так, и небо не такое, чистое, ясное, не жужжащее, как рой шмелей над ухом, яркий луч солнца так и щиплет глаза.

— Es ist vorbei! Legt die Waffen nieder, dann bleibt ihr am Leben! [Все кончено, бросайте оружие и будете жить] — кричали на немецком языке.

Я знаю немецкий? Ну да! А кто я?

Поток чужого сознания захлестнул, как мощный водопад потоком. Чуть не снесло мою, собственную сущность. Мысли... сожаление, верность, признательность... Генерал Петровский... Не уберег. Он не уберег. Я... адъютант, хотя нет, так меня только генерал называл. Я офицер по поручениям.

— — Herr General, Sie sind allein und verwundet! Geben Sie auf, und wir behandeln Sie mit allen Ehren! [Господин генерал, вы одни и ранены! Сдавайтесь, и мы будем обращаться с вами со всеми почестями!], — услышал я.

“Спасти... выручить... документы... карты” — мысли и образы заполнили голову.

— Идите в жопу, суки германские! — выкрик и...

— Бах! — прозвучал выстрел и я не видел, хотя глаза уже открыл, я понял, почувствовал, что генерал Петровский последним патроном прервал свою жизнь.

“Застрелишь меня, Ваня, если фашист возьмет,” — набатом звенели слова генерала в голове. — “Да не дрейфь, не придется! У меня всегда на себя пуля найдется”.

Он шутил. Такой вот юмор. А сейчас кажется, что словно и пророчество.

Я нащупал руками оружие... дисковый автомат. Тут же пришлось давить острое желание встать в полный рост и дать очередь. Но по кому? Я слышал немецкую и что удивительно, русскую речь. Вот только нужно взглянуть на врага.

Врага, однозначно. И тут думать не стоит. Причем “оба мои сознания” четко определили и “не спорили” по этому вопросу. Не было сомнений и что делать. Противоречия появлялись

только в том, как именно поступить, чтобы выполнить поставленную мной самим же себе боевую задачу.

Я лежал на спине, на дне неглубокой земляной ямы, похожей на воронку от снаряда. Попытался пошевелить руками. Получилось. Странно, но ничего не болело. Абсолютно. Тело казалось чужим, невесомым, словно под анестезией. При этом я был весь в крови, как будто бы только что со скотобойни вернулся.

Липкая одежда создавала дискомфорт, сковывала движения. А еще и земля налипла. На мне не было плитника. Не было мультикама и разгрузки с запасными магазинами. Вместо этого грудь обтягивало плотное, грубое зеленое сукно. Я с трудом приподнял голову. Жесткий стойка – отложной воротник. А на плечах...

Мой взгляд уткнулся в плечи. А там... А ничего привычного нет. Выкрутил голову, прижал подбородок к шее, посмотрел на воротник... Петлицы лейтенанта два «кубика», или даже скорее квадрата. Многое нужно было бы обмозговать. Но все после. Сейчас боевая работа.

Я потянул к себе автомат, стараясь не шуршать травой. Пальцы скользнули по холодному металлу.

— Мля... — выдохнул я. Даже не губами — одной лишь мыслью.

Тяжелый дисковый магазин ППШ был безнадежно смят. Стоп... А этот коротыш не ППШ. Это, как подсказывала память, ППД, изделие Дегтярева. Но болезни у него те же и даже больше. Знаю, слышал, войной, той самой, интересовался. Где ты родненький Калаш?

Рядом торчал из земли не такой уж и большой камень — видимо, об него автомат и приложило при падении. Тонкая жесь барабана вогнулась внутрь, намертво зажав механизм подачи. Чувствительная, капризная система. Даже если внутри под завязку залит семьдесят один патрон, толку от них теперь ноль: первый же выстрел даст глухой клин и перекося.

И не нужно было обращаться к памяти моего “соседа” в голове, чтобы понимать очевидное.

Рука привычно скользнула к бедру. Кобура на месте. ТТ. Воевать с одним пистолетом против более десятка врагов, а судя по все еще доносящимся разговорам, и того больше? Это чистое самоубийство.

Мозг, еще не до конца осознавший реальность, услужливо подкинул предательскую мысль: «Спокойно. Сползи по оврагу. А потом вскакивай и беги сломя голову. Спасайся». Я зло мотнул головой, моментально выкидывая этот липкий шепоток животного страха. Не мой страх... Я не прощу себе слабость.

Да и умирать, честно говоря, не страшно. Все говорило о том, что я уже однажды умер. Так что... на кураже, но не теряя окончательно разума. Но бьем врага.

— Schneller [быстро]! Осматривайте машину и уходим! Документы генерала у меня! — хлестко разорвал тишину гортанный голос на ломаном русском языке вперемежку с немецкими словами.

Стрельба стихла. Слышалась лишь возня, металлические щелчки открываемых дверей автомобиля и торопливое шуршание бумаг, соперничающее с шелестом листвы на деревьях.

Я перекатился на живот, вслушиваясь в собственное тело. Никакой пульсирующей боли, кости целы, суставы работают. Разве что форма перемазана, уже начавшей подсыхать кровью — рядом я не обнаружил ни трупа, ни раненого. Моя кровь? Но о нелепостях, или чудесах не время думать.

Тело слушалось на удивление хорошо, состояние было в норме, словно оно налито тугой силой. Подтянувшись на руках, я осторожно раздвинул стебли густой травы. На широкой, разъезженной грунтовке стоял автомобиль — из тех, что в моем покинутом будущем можно было увидеть только в кино про войну или о предвоенном времени. Следы от протектора на грунтовой дороге.

Может автомобиль был и не один. Второй сознание не подсказало, так ли это. Оно словно затаилось, наблюдая за моими действиями и мыслями.

Вокруг сустились немцы, но частью они были обряжены в советскую форму. Те, кто в немецкой форме частью говорили на ломаном русском, другие на немецком, а их командир, в советской форме, но в накидке, маскхалате, обращался на чистым, даже без региональных особенностей, русском языке. Человек двенадцать возле самой машины, плюс еще двое или трое контролировали периметр, прячась за деревьями в лесу. Диверсанты. Работают грамотно. Или нет? Скупились у машины, не видят опасности.

Где-то на периферии сознания фиксировался тяжелый, раскатистый гул. Работал крупный калибр, громыхали прилеты. Интенсивность артиллерийской канонады была такой плотной, какую редко услышишь даже в моем времени. Бои шли серьезные.

И тут взгляд выпепил его. На обочине, уткнувшись лицом в землю, лежал наш боец. А перед ним, опираясь на сошки — ручной пулемет Дегтярёва. Знакомый плоский блин диска сверху.

Я вжался в землю и медленно пополз вниз. Контролировал каждый дюйм, каждое движение, чтобы ни одна сухая еловая веточка не хрустнула под локтем.

Время уходило. Командир диверсантов снова рявкнул, приказывая быстрее заканчивать с обыском и уходить в лес. Нужно было ускоряться.

Рывок. Еще рывок. Вот он, павший пулеметчик.

Вдох. Медленный выдох.

Мозг в последний раз попытался крикнуть о несурзности всего происходящего: другое время, чужое тело... Я безжалостно заткнул его. Рефлексии — потом. Сейчас — боевая работа.

Впереди копошились не реконструкторы с холостыми патронами. Впереди была война. Та самая, Великая Отечественная, на памяти о которой я рос и которая теперь стала моей единственной реальностью.

“Сука, у меня два деда погибли, моя прапрабабушка с голоду умерла в блокадном Ленинграде. Сама не ела, детей кормила...” — подумал я, одновременно изготавливаясь к бою. Медленно, контролируя взгляды врагов.

А ведь были еще отголоски чужого сознания... Моего сознания. Память Ивана Шиловича, порученца комкора Петровского, проступала всё отчетливее, пульсируя глухой виной. Он — то есть я — не уберег командира. Это было очевидно. Отомстим.

Я быстро, по-пластунски, подобрался к пулемету.

— Прости, братишка, — одними губами шепнул я, аккуратно, но с силой отодвигая в сторону тяжелое тело павшего героя.

Поправил сошки Дегтярёва, вдавив их в мягкую землю. Чуть раскинул ноги для жесткого упора. Приклад лег в плечо. Цель на мушке. Пора.

— «Да что за млядство?!» — взвыло в голове.

Пулемет молчал. Как я ни давил на спуск, спусковой крючок стоял намертво. Перекос? Пустой диск? Нет, тяжелый блин магазина говорил об обратном.

Предохранитель! Я лихорадочно зашарил пальцами, ища привычный флажок или рычажок сбоку. Ничего. И тут память Шиловича, вбитая на тренировках, подкинула спасительную моторику: рука сама нащупала тугую стальную клавишу прямо за скобой спускового механизма.

Спуск тут же подался под указательным пальцем.

— Тра-та-та-та-та!

Тяжелые винтовочные пули калибра 7.62 с яростным грохотом вырвались из ствола. Длинная очередь буквально взрыла землю, ударив по группе диверсантов. Мощный патрон не оставлял шансов — троих просто смело, словно тряпичных кукол, четвертый с воплем осел, схватившись за перебитую ногу.

— Тра-та-та! — ствол чуть увело вверх, но я удержал его, всадив короткую концентрированную очередь во вторую кучку из четырех немцев. Есть контакт.

— Вжииих! Бах-бах-бах!

Три пули с мерзким сухим свистом вспороли воздух в сантиметрах от моей головы и ударили в землю. Засекли!

Позицию нужно было менять еще 5 секунд назад. Напрягая все мускулы, я буквально сполз на вытянутых руках в низину. Перекатился за толстый ствол дерева, снова вскинул пулемет и нажал на спуск.

— Щёлк, – боек сухо ударил в пустоту.

Дисковый магазин был пуст — 47 патронов улетели в мгновение ока. Скорее меньше, сильно меньше. Магазин, вероятно, был наполовину пустым.

Бросив бесполезный теперь Дегтярёв, я выхватил из кобуры ТТ. Проверил магазин. Пригнувшись до самой земли, сполз дальше, укрылся в деревьях, рванул по широкой дуге. Они могли подумать, что я, дав очередь, убежал. Это же логично.

Но я не убежал — я забирал в обход, чтобы зайти им во фланг и тыл. Пот заливал глаза, дыхание сбилось. С одним пистолетом против автоматов мне сейчас придет конец, это математика боя. Но упустить диверсантов с документами генерала я просто не мог.

Не мог не попытаться что-то сделать. Сколько же я в детстве, да и в подростковом возрасте фантазировал такую ситуацию, как же я “громил” фрицев в своей фантазии. А потом был готов, да и убивал таких, наяву.

— Бах!

Звук, который ни с чем не спутаешь. Резкий, пронзительно-громкий выстрел винтовки Мосина. Знаменитая «трехлинейка».

Метрах в ста от меня дико взвизгнул и завалился навзничь фашист. Его тело скрылось в густых папоротниках. Сомнений не было — у меня появился союзник. Кто-то, такой же выживший, сидел в кустах и ждал. И, видимо, не решался открыть огонь, пока на сцену не вывалился я со своим пулеметом.

Немцы дрогнули. Их внимание мгновенно переключилось на дорогу. Они начали оттягиваться к лесу, пытаясь взять периметр под контроль и ожидая, откуда еще прилетит смерть из невидимого советского ствола. Главарь банды яростно махал руками, раздавая приказы подельникам.

Они отвернулись. Мой шанс.

Вдох. Выдох.

Я медленно привстал из-за укрытия, принял удобное положение с колена. Толстая сосна надежно скрывала корпус. Сжал ребристую рукоять ТТ, прикрыл на секунду глаза, собирая остатки адреналина в кулак. Резко качнулся в сторону, выбрасывая вперед правую руку с пистолетом.

— Бах! Бах! Бах!

ТТ бил жестко, лягая руку отдачей.

Пули прошли пространство — два из трех выстрелов нашли цель, опрокинув силуэты во вражеской форме.

Ствол снова на линии прицеливания.

— Бах! Бах! Бах!

Перекат. Резко чуть приподнимаюсь, стреляю, и прячусь за стволом дерева.

Две из трех выпущенных пуль тяжело, с влажным чавканьем вошли в цель. Тот самый офицер — командир группы, что секунду назад уверенно раздавал приказы — дернулся, словно наткнувшись на невидимую стену. Из его ослабевших пальцев вывалилась пухлая кожаная планшетка, а сам он нелепо взмахнул руками и рухнул на растоптанную гусеницами и сапогами землю.

Выстрел! Это союзник вновь обозначился.

В этот же момент лес взорвался ответным огнем. Но били не по мне.

Вражеские диверсанты, вычислив позицию союзника по вспышке выстрела из «трехлинейки», сосредоточили весь свой шквал на тех кустах, где прятался мой неизвестный побратим. Длинная, злая очередь из немецкого MP-40 буквально выкосила кустарник метрах в ста от меня.

И ведь в советской форме, но с немецким автоматом. Или уже можно было брать вражеское оружие и диверсанты об этом знали, что идиотизм про “идолопоклонение вражеским образцам вооружения” иссяк под напором рационального?

Сквозь грохот перестрелки я ясно услышал короткий, сдавленный хрип. Парня, чьего лица я даже не успел увидеть, но кто подарил мне эти решающие секунды, больше не было. Острый укол вины кольнул где-то под ребрами, но... не сейчас.

— Verdammt! Rückzug! In den Wald! [Проклятье! Отходим! В лес], — истошно, срывая голос, заорал кто-то из уцелевших немцев.

— Бах! – я сделал прицельный выстрел, заставляя немца вжаться в ствол дерева.

— Тра-та-та! – беспорядочная автоматная очередь срезала сухие ветки соснового леса.

Теперь и я вжимался в ствол сосны. Патовая ситуация. И патронов... А сколько? Один? Два? Как раз застрелиться, чтобы в плен не попасть. Нет, мы еще повоюем.

Но... враги не знали, сколько у меня патронов. И у них, видимо была своя цель. И эта цель... генерал. Задание выполнили, твари, пусть и потеряли больше половины группы. Героический генерал, который одним своим присутствием на “нуле” мог перевернуть ход сражения, мертв. Но разве хоть бы и полк германца сравниться с тем, каким боевым и настоящим командующим был комкор Петровский?

Так что скоро я услышал звуки убегающих диверсантов. В погоню? Я побежал вслед.

— Тра-та-та! – короткая очередь из автомата прошла чуть выше головы.

Казалось, что я ощутил жар от тех пуль, что были рядом. Пришлось остановиться. Попробовал осмотреться, но никого не увидел. А еще нужно было контролировать тех убитых врагов, чтобы они не оказались подранками и не выстрелили в спину.

Медленно, контролируя обстановку, стараясь держаться толстых сосен, я подходил к лежащим врагам. Стояла мертвецкая тишина, нарушаемая далекими взрывами. Шла война. И я теперь советский воин.

— Чертовщина, – лишь одними губами сказал я.

Но вновь выбросил из головы мысли о том, как такое возможно, кто же я такой теперь... Работа не закончилась. И, судя по всему, времени на сторонние мысли не останется.

Глава 2

Дорога Жлобин-Гомель
17 августа 1941 года

Я замер и прислушался. Было удивительно, насколько четко, до мельчайших нюансов, я теперь способен воспринимать звуки. Шум листвы, треск раскачивающихся деревьев. Казалось, что идиллия: природа, солнце, красота но... взрывы, гудение самолетов в воздухе, трупный запах, и мухи, роящиеся над мертвыми телами.

Стреляют... значит куда сейчас прилетят снаряды, бомбы. Война, та, которая имеет последствия и в будущем, которое я покинул. Сейчас идет борьба добра со злом. И нельзя никому оставаться в стороне, иначе зло получит шанс.

Не привык я к такому слуху. В своей прошлой жизни — а сейчас я был абсолютно уверен, что начал проживать совершенно новую, — одно ухо у меня было почти глухим из-за старой контузии. Да и второе, откровенно говоря, работало с перебоями.

А здесь... Я закрыл глаза и ясно услышал, как сорванный ветром сухой древесный лист шуршит в полете, цепляясь за ветки. Наверное, мозг с непривычки немного додумывал картину, образ, но ощущения были поразительными.

Вдруг самолеты улетели, артиллерия перестала бить. Вокруг повисла та самая тяжелая, зловещая тишина, которая всегда опускается на поле боя сразу после скоротечной бойни. Солнце нещадно палило в затылок, но резкий, ощутимый ветер бил прямо в лицо. Он был мне на руку. Я стоял с подветренной стороны по отношению к раскиданным по поляне телам, и ветер скрадывал любые мои звуки.

Все мысли пролетели, как гоночный болид. Думал, но действовал. Пошел к машине. Двигался медленно, тихо: ступал мягко, “лисий шаг”, носка на пятку, сначала проверяя поверхность стопой, и только потом перенося на нее вес тела.

Вот и первый убитый. Наша форма. Хотя еще во время перестрелки я отчетливо слышал в их группе не только гортанные команды, но и польский мат, и совершенно чистую русскую речь. Предатели, ну или тот самый пресловутый Бранденбург 800. Полк или батальон, среди которых было немало русскоговорящих вот для такой диверсионной работы.

Я опустил на колено возле трупа. В открытой кобуре торчал ТТ — точно такой же, как у меня. Я выщелкнул магазин из трофейного оружия, проверил пружину и загнал его в рукоять своего изрядно опустевшего пистолета. Чужой ствол брать нельзя: моя машинка была проверена в деле и отлично пристреляна, а как поведет себя в критический момент чужое оружие — вилами по воде писано.

Справа раздался влажный, булькающий стон. Русские слова, больше похожие на скулеж.

Осознание того, что среди врагов были мои соплеменники, лишь ту же затянуло холодный узел внутри. Вставал ли передо мной моральный выбор — добить подранка или проявить милосердие и оставить в живых?

В гражданской жизни — возможно и есть место для прощения. Но здесь действовали иные, первобытные правила выживания, мести, присущее войне жесткое понимание справедливости. Око за око! И никогда нельзя оставлять за спиной врага. Даже умирающий, способен в последнем рывке нажать на спусковой крючок и выстрелить тебе в спину.

По всем человеческим меркам, контрольное добивание — тяжелейший шаг. Но моя психика давно деформировалась под тяжестью прошлого опыта. А человек, в тело которого я провалился и чей слепок сознания получил в нагрузку, успел пропитаться к нацистам такой дикой, концентрированной ненавистью, что она выжигала любые намеки на моральные терзания.

Я подошел вплотную. Враг смотрел на меня снизу вверх блестящими, полными животной жалобы глазами. Я молча достал из сапога “финку”, нож НА-40, который уже давно неприятно натирал ногу. Примерно прикинул, где под сукном гимнастерки должно находиться сердце — хотя всегда оставались сомнения, есть ли у этих тварей вообще такой орган. Левой рукой я жестко зафиксировал острие ножа на груди немца. А затем резко, с вложением корпуса, ударил ладонью правой руки по навершию рукояти, вгоня сталь по самую гарду.

Взгляд немца, ну или кто там этот нацист по национальности, остекленел.

Я не остановился. Прошел по поляне, методично проделывая то же самое с остальными телами. Враг мог оказаться хитрее — притвориться мертвым, дожидаться, пока я отвернусь, и всадить пулю мне в затылок. Я лишал их этого шанса.

Фоном, сквозь шум леса, до меня доносились глухие, ритмичные удары канонады. Линия фронта была совсем близко. И судя по всему они скоро попрут. Комкор и ехал на этот участок, чтобы лично проследить за обороной концентрированного удара врага в сочленение двух дивизий 63-го корпуса 21-й армии.

И только после того, как поляна была полностью зачищена, когда я собрал немецкие, вернее, подделки советских документов, поднял документы, что германцы взяли с машины, я позволил себе подойти к главной цели. К комкору. Раньше не сделал этого. Бессмысленно. С дыркой в голове не выживают. Ну или почти никогда. И он не проявлял признаков жизни, а крови под героем было столько, что уже от ее потери он умер бы.

Генерал-лейтенант Петровский сидел на примятой траве, тяжело привалившись спиной к пыльному колесу машины со стороны пассажирского сиденья. Китель расстегнут, руки безвольно опущены вдоль тела. Рядом с расслабленной ладонью валялся табельный пистолет, а над правым ухом чернело аккуратное входное отверстие. Кровь у головы уже успела запечься, а вот под ногами, в которые по всей видимости он почти сразу, в начале боя, получил ранения, и было озерцо алой жидкости.

Петровского хотели взять в плен, очевидно. Такой герой! Только что получивший звание генерал-лейтенанта, не сдался. Выбрал пулю вместо плена.

Я замер перед ним. Горло перехватило от странной смеси острой, сосущей досады и искреннего благоговения перед силой духа этого человека.

— Но я ведь мог... мог бы попытаться вас вытащить, Леонид Григорьевич, — глухо произнес я, глядя в мертвое лицо генерала.

ОН мог вытащить, Я нет. Никак не успевал, когда оказался в теле порученца комкора. Но что смогу Я? Отомстить, бить врага, уничтожать скверну на советских землях, даст Бог, не только на них, выветривая смрад нацизма с наших земель.

Было до странного дико ощущать эту внезапную, скручивающую внутренности бурю эмоций. Разумом я понимал, что передо мной лежит совершенно чужой человек. Но по законам того мироздания, в которое я провалился, для прежнего хозяина моего тела Комкор был фигурой незыблемой. Парень, чье тело я занял, безмерно уважал его, почитал почти как родного отца, и сейчас эта острая, пульсирующая горечь утраты без спроса транслировалась в мое сознание, наше общее с ним сознание.

А ведь я был что-то вроде охранника, хотя и числился адъютантом, хотя таких должностей и назначений не было. Да не важно мне было, кем, хоть и писарем. Главное, что был рядом с гением, каким я его считал.

Вокруг был какой-то свой мир. Тела убитых людей, дятел стал долбить в дерево, шелест травы и листвы. Картина... ужасающая, но и показывающая, что пусть сейчас врагу многое удастся, но тут лежат и диверсанты. Нас не возможно бить безнаказанно и мы победим.

Я заставил себя отвернуться и начать действовать. Время утекало. Принялся методично собирать разбросанное по поляне оружие, стаскивая его к уцелевшей машине и забрасывая на заднее сиденье. Сталь глухо брякала об обивку.

Вскоре очередь дошла и до того самого сержанта, который прикрывал меня в начале боя. Он успел сделать несколько метких выстрелов, определенно забрал с собой кого-то из нападавших, но удача отвернулась от него. Очередь из немецкого пистолета-пулемета прошла бойца поперек груди. Мозг упорно порывался обозвать вражеский ствол «маузером» или «шмайссером», путаясь в классификациях, но суть от этого не менялась — эта трескучая машинка навсегда успокоила безвестного героя.

А вот моему реципиенту нужно было бы лучше изучать оружие врага.

И только сейчас, осматривая позицию сержанта, я заметил в кустах чуть поодаль еще один автомобиль. С дороги его скрывал плотный кустарник. Машина была попроще, не такая статусная, как генеральская, но её наличие разом всё объяснило: у командира корпуса всё же было сопровождение. Охрана, которую грамотно отсекали и уничтожили первыми же залпами.

Я поймал себя на мысли, что память реципиента выдает информацию порциями, обрывками. И эти вспышки становились всё слабее. Создавалось стойкое впечатление, что сознание этого храброго парнишки, чье тело я занял, стремительно угасает. Со мной останется лишь то, что я успею выхватить, осознать и зафиксировать прямо сейчас, пока последние искры его личности не растворились в небытии.

Рядом со второй изрешеченной пулями машиной лежал убитый советский командир. На его петлицах отчетливо выделялись прямоугольники — полковник. Мой внутренний голос по привычке назвал его офицером, хотя я тут же одернул себя: на дворе тысяча девятьсот сорок первый год, погоны и само слово «офицер» вернутся в армию только в сорок третьем. Сейчас они — командиры.

Минут десять напряженной физической работы ушло на то, чтобы собрать оставшиеся стволы, боекомплект, документы павших воинов, и загрузить всё это в машину. Мелькнула мысль забрать с собой и полковника, но я отказался от нее. Места не хватало, да и возиться с двумя тяжелыми телами не было ни времени, ни сил. Я оставлял его здесь.

Но вот комкора я твердо решил вывезти к своим. Чего бы мне это ни стоило.

Располагать тело на заднее сиденье, поверх сваленного в кучу трофейного оружия, я не стал. К тому же мне был жизненно необходим чистый обзор через заднее стекло — уходить вслепую равносильно самоубийству. Пришлось изрядно попотеть, перетаскивая тяжелое, обмякшее тело на переднее пассажирское кресло.

Когда я наконец сел за руль и запустил мотор, рядом со мной находился только один безмолвный попутчик. Тот самый прославленный комкор, который еще недавно ехал на критически важный участок обороны.

Он, очевидно, был твердо уверен: если появится в первых рядах, если лично поднимет людей, то немцы не пройдут. И ведь эта тактика работала. Всплывшие воспоминания парня подсказали: 63-й стрелковый корпус, несмотря на некомплект и жуткие потери, умудрился не просто выстоять. Они отбросили фашистов за Жлобин и Рогачев, разом спутав врагу карты и отсрочив планы гитлеровской молниеносной войны.

Остановился у водительского сиденья. Куда направляться — понятно. В тыл, в противоположную сторону от линии фронта. Отвезти генерала и там... А там могут и взвод дать, меня многие знать должны. И в бой.

Я выжал сцепление. Коробка передач оказалась чудовищно тугой — рычаг пришлось вбивать на место едва ли не ударом, с невероятным усилием. Тяжелый руль без всякого гидроусилителя, хотя бы плохеньким, требовал участия обеих рук и крепкого хвата. Так что разворачивался я медленно, крехтя, ворочая руль с натугой.

Приходилось буквально бороться с машиной, чтобы не поймать колесами очередную глубокую воронку или колдобину, которыми была густо усыпана изуродованная взрывами грунтовка.

Двигатель натужно ревел. Я жал на газ, выжимая из незнакомого и неповоротливого автомобиля максимум возможного на этой разбитой дороге.

В голове пульсировал адреналин. Я гнал вперед, и при этом всё мое существо находилось в режиме предельной концентрации, словно я сидел не в кабине автомобиля, а в кокпите истребителя. Глаза непрерывно сканировали обочины, выискивая засады, а шея сама собой вжималась в плечи.

Наверное ощущения должны быть сродни тому, как воюют летчики. Они в кабине и вынуждены крутить головой чуть ли не на все триста шестьдесят градусов, чтобы заметить врага и не потерять друга.

По старой, въевшейся в подкорку привычке, взгляд то и дело отрывался от дороги и уходил вверх. Я, стараясь, высовывать голову в открытое окно авто, до боли в глазах всматривался в ясное, лишь на самом горизонте подернутое редкими облаками небо сорок первого года — больше всего на свете боясь услышать над головой густой, прерывистый гул и увидеть падающую сверху смертоносную хищную птицу с крестами на крыльях. Или нет... беспилотников я опасался, выработалась привычка.

Из угасающей памяти реципиента мне удалось вычленить конкретную дату, и от нее повеяло холодным ужасом. Семнадцатое августа тысяча девятьсот сорок первого года. Самое пекло. Белорусская земля под колесами и гусеницами смертельного врага.

Это дорога на Гомель, который, судя по обрывкам стратегических сводок в голове парня, должен был пока еще держаться, не смятый немецкими клиньями. Чего никак нельзя было сказать о Жлобине — прямо сейчас, в эти самые минуты, его растерзанные улицы наверняка уже содрогались под мерной, тяжелой поступью кованого немецкого сапога.

Я до боли стиснул зубы. С огромным трудом мне удавалось унимать подступающую горечь и не давать слезам застилать воспаленный взгляд. Чувства получилось вроде бы как взять под контроль, но слезные железы словно бы жили собственной жизнью, исправно выдавая влагу.

Я безжалостно, словно железным прессом, задвигал на самые задворки сознания эти чуждые взрослому мне, но такие искренние эмоции убитого горем молодого мужика. Не время раскисать. Не та сейчас обстановка, чтобы предаваться интеллигентской рефлексии и жрать себя поедом за то, что не смог уберечь комкора.

“В конце концов”, — мысленно обратился я к прежнему хозяину тела. — Ты, солдат, честно отдал свою жизнь в бою. Ты не сбежал трусливо в кусты. Тебе не в чем себя упрекнуть”.

По сторонам сплошной смазанной стеной проносились толстые, шершавые стволы сосен, лишь изредка сменяясь светлыми пятнами лиственного мелкокося. Попадались и березки, но преимущественно лес был хвойным.

Казалось, этому зеленому лабиринту не будет конца. Но вот и люди... Первую на пути небольшую деревушку — дворов пятнадцать потемневших от времени изб, вытянувшихся вдоль тракта — я пролетел на скорости, которая показалась бы безрассудной даже по меркам ровных асфальтовых трасс моего будущего. За машиной тянулся густой шлейф серой пыли.

Я понимал, что это самая передовая, что они уже смертники, что мне нужен штаб, чтобы передать тело героического генерала. А уже потом встать на защиту своей земли. Хотя... наивно думать, что все так легко. И я лихорадочно размышлял, как правильно подать историю с генералом, чтобы меня самого не обвинили в его смерти.

Преступный рационализм мог подсказать единственное решение: оставить тело Петровского на обочине, да и машину скинуть в кювет, и бегом, на войну, мол я ничего не знаю. Но... не всегда нужно выбирать рациональное, если хочешь быть в ладах с совестью и оставаться человеком.

Здесь, в деревушке, на обочинах, я увидел наших. Советские солдаты брели мелкими, разрозненными группами. И шли они в ту самую сторону, откуда я только что вырвался —

в самое пекло, на передовую. Идущие не в строю, с понурыми, почерневшими от копоти и усталости лицами, они казались надломленными. Я внутренне сжался, ожидая, что тяжелую машину сейчас остановят, чтобы выяснить, куда бежит тыловая крыса, но происходило невероятное.

Завидев знакомый автомобиль, бредущие офицеры... — командиры, поправил я себя — вытягивались и отдавали честь проносившейся мимо машине. По их ожившим лицам я отчетливо читал: генерала в войсках не просто знали, его безоговорочно уважали. Мелькнула мысль проехать вдоль линии фронта вот так, для поднятия духа бойцов.

Одно лишь появление его автомобиля на дороге действовало на измотанных людей лучше любого приказа. И это говорило не только о высочайшем профессионализме, но и об исключительных человеческих качествах того, кто сейчас сидел рядом со мной с пробитой головой. Трагичная ирония ситуации разрывала сердце.

Заметив машину комкора, командиры тут же подбирались, зычными голосами требовали порядка от своих подчиненных. Солдаты на ходу выстраивались в подобие походной колонны, вскидывали винтовки и уже гораздо бодрее, с более уверенным и злым блеском в глазах, твердо шагали к «нулю», к самой ленточке фронта. Даже гужевого транспорта было мало, дорога почти свободная для проезда машины.

А я гнал дальше. Я был уверен: штаб должен располагаться где-то в тылу, километрах в пятнадцати-двадцати от линии соприкосновения, не меньше. Штаб 21-й армии в Гомеле, а вот штаб 63-го корпуса блуждающий. Да по сути и было так, что где Петровский, там и штаб.

Не знаю, что именно спасло меня в следующую секунду. Интуиция, звериное чутье, или всё-таки мозг успел вычленить из шума мотора нарастающий чужеродный гул, который я даже не успел осознать...

Но в какой-то миг я просто со всей дури рванул тяжеленный, неподатливый руль вправо. Машина слетела с тракта, чудом разминувшись на волосок с толстым стволом сосны, и с треском ломая кусты вывалилась на узкую лесную дорогу. Я ударил по тормозам, едва не вылетев через лобовое стекло.

Резкая остановка. И ровно в этот же удар сердца прямо над верхушками деревьев, на бреющем полете, с леденящим душу ревом пронеслась пара самолетов. Желтые, хищно раскрашенные морды капотов и черные кресты на крыльях. Те самые кресты, ненавидеть которые меня учили с самого раннего детства.

Не узнать угловатые, стремительные силуэты «Мессершмиттов» было невозможно — и кинематограф прошлой жизни помог, и память реципиента истошно вопила об опасности. Останься я на открытой дороге — стал бы идеальной, жирной мишенью.

И даже если у стервятников была своя особая боевая задача, даже если они были насквозь пропитаны своим хваленым немецким «орднунгом» и железным порядком, они ни за что не упустили бы случая всадить очередь в одинокую советскую машину. А может и вовсе могут искать именно машину командующего.

Хищный гул стих вдали. Я сглотнул вязкую слюну и дернул рычаг коробки передач. Нужно было возвращаться на тракт. Но сдать задним ходом оказалось невыполнимой миссией. Избалованный комфортом современных автомобилей из покинутого будущего, где в помощь водителю наткана куча камер, парктроников и умной электроники, я банально не смог сходу «найти» заднюю передачу в этой архаичной, тугой коробке. Шестеренки лишь жалобно скрежетали.

Чертыхнувшись сквозь зубы, я бросил эти попытки. Включил первую и погнал вперед по ухабистой просеке, царапая борта о ветки. Лишь проехав метров пятьсот вглубь леса, я выскочил на достаточно просторную зеленую поляну, с трудом развернул неповоротливую машину и, взметая колесами дерн, направился обратно к дороге.

Я вывернул руль, вырываясь из спасительного лесного полумрака обратно на разбитую грунтовку, и до упора вдавил педаль газа. Мотор натужно взревел. Спустя двадцать минут безумной, вытрясающей душу гонки, глотая густую серую пыль, я резко ударил по тормозам перед заставой.

Это был обычный полевой блокпост. Хмурые, измотанные до предела бойцы с землистыми лицами стояли здесь, тяжело опираясь на свои винтовки. Их командир — старший лейтенант — выглядел еще мрачнее. Узнав издали статусную генеральскую машину, он инстинктивно подобрался, хотел было отдать честь и уже рывкнул солдатам, чтобы те оттащили в сторону тяжелый сосновый ствол, служивший импровизированным шлагбаумом.

Но в этот момент его взгляд скользнул сквозь запыленное лобовое стекло.

Лицо офицера в мгновение ока побелело, став цвета старой бумаги. Он понял, *кто* сидит за рулем, и, что еще страшнее, увидел *кого* я везу на пассажирском сиденье. И как раз в это время тело Покровского не могло напоминать живого человека. Даже спящего. Голова генерала была вывернута неестественным образом, туловище съехало по сиденью.

Старший лейтенант тут же судорожно заерзал рукой по бедру, стараясь как можно быстрее выхватить из кобуры ТТ. Но в этой лихорадочной спешке, дрожащими от внезапного выброса адреналина пальцами, он сделал только хуже — зацепился за ремешок, дернул не в ту сторону, и тяжелый пистолет с глухим стуком выпал из его рук прямо в дорожную пыль.

Однако солдаты, заметив панику своего командира, среагировали мгновенно. Раздался сухой, зловещий лязг затворов — сразу четыре мосинских ствола синхронно уставились мне в грудь. Воздух зазвенел от напряжения.

И тут к машине подошел он. Шагал мерно, тяжело чеканя шаг на грунте, как истинный хозяин положения. Он бросил на растерявшегося старшего лейтенанта (который уже успел подхватить пистолет с земли и теперь трясущимися руками неумело целился в меня) взгляд, полный ледяной укоризны и откровенной брезгливости.

Это был... Особист... нет, сотрудник НКВД. Политрук? Точно — НКВД.

Важно понимать: передо мной стоял не тот карикатурный чекист из позднего кино, которых принято рисовать маньяками с обязательной гнилой червоточинкой в душе, словно среди них вообще не было нормальных, достойных людей. Были. И еще какие. И я рассчитывал, что такой попадется и мне. Хотя... нервозность обстановки нарастающей катастрофы никому не придает психологической устойчивости.

Однако, выглядел он даже дружелюбно, спокойно, курносый, что, почему-то сразу умиляет. Впрочем, нечего расслабляться.

Я смотрел на особиста с фуражкой с краповым околышем и васильковым верхом с не животным страхом, а с мрачным пониманием.

— Руки, чтобы я их видел. Медленно выходишь из машины, — не повышая голоса, но так, что мороз продрал по коже, командовал политрук.

Про “умиляет” я не прав.

Глава 3

Жлобинский район. Деревня Хальч.

17 августа 1941 года

Старший лейтенант зыркнул на него с какой-то детской, нелепой обидой, уязвленный тем, что у него перехватили власть, но благоразумно промолчал.

Я плавно, чтобы не спровоцировать пальбу, поднял ладони. Затем так же медленно толкнул дверцу машины, поставил одну ногу на сухую землю и попытался чуть резче приподняться, чтобы выйти из кабины. В этот миг я рефлекторно зажмурился, ожидая удара: рука армейского лейтенанта предательски дернулась, и мне на долю секунды показалось, что он на нервах сейчас всадит в меня пулю почти в упор. Смертьдохнула в самое лицо. Но выстрела не произошло.

— Старший лейтенант, мешаете. Это по моей части, сказал особист небрежно, но жестко отодвинул ствол офицера. — А то еще с перепугу ненароком пристрелишь товарища... — сотрудник НКВД перевел на меня тяжелый, сканирующий прищур, словно просвечивая рентгеном до самого дна души. — Или гражданина. А может быть, и врага.

Я к этому моменту уже стоял у открытой дверцы с поднятыми руками, физически ощущая спиной прицелы солдат.

— Документы! — бросил он и вдруг... откровенно, широко зевнул.

Это было так обыденно. И глядя на него, мне и самому нестерпимо захотелось зевнуть. Такая напасть, эта хроническая, непроходящая усталость перекинулась здесь на многих бойцов. Интенсивная, изматывающая оборона и непрерывные бои просто не оставляли людям шанса на сон. А те новобранцы, чья психика еще не адаптировалась к мясорубке войны, банально не могли сомкнуть глаз под непрекращающийся, давящий на уши грохот артиллерии.

— Горохов, Лапкин! Взять на мушку. Конвоировать задержанного ко мне, — коротко рубил приказы политрук.

А старший лейтенант так и продолжал стоять молчаливым истуканом. Мне даже показалось, что он с явным облегчением выдохнул, осознав, что ответственность за этот сложный инцидент сняли с его плеч.

Политрук тем временем подошел к пассажирской двери. Внимательно, уже в третий раз, проверил, действительно ли мертв комкор — хотя черная, с запекшейся кровью дыра у виска красноречиво вопила о том, что шансов там не оставалось никаких. Убедившись, чекист холодно кивнул своим мыслям, уселся за руль, с хрустом воткнул передачу и дал по газам.

Он обдал меня сизым выхлопом, проезжая мимо. А я зашагал следом по пыльной обочине — уже без ремня, чувствуя себя странно беззащитным, под конвоем и глухой лязг затворов за спиной.

Предполагал ли я, что меня ждет именно такой жесткий прием? Безусловно. Глупо было бы надеяться на горячий чай и дружеские объятия. Иначе в этой мясорубке просто и быть не могло. Особенно сейчас, в сорок первом, в этой страшной, непонятной войне, где линия фронта напоминала лоскутное одеяло, сквозь прорехи которого в наши тылы щедро лились вражеские диверсанты.

Я сам только что был тому кровавым свидетелем. Половина из той группы, которую я навсегда уложил отдыхать в лесу, переговаривалась в бою на таком безупречно чистом, литературном русском языке, что мороз продирает по коже. Переодень этих тварей в форму командиров РККА — и они под личиной своих просочатся прямо в расположение штаба дивизии или даже корпуса. А уж там, добравшись до узлов связи и складов, натворят таких катастрофических бед, что не приведи Господь. В условиях всеобщего хаоса это означало бы смерть тысячам.

«Злая гэбня»... Клише из моего покинутого будущего. Я ждал встречи с ней с холодным любопытством и затаенной тревогой. Мой взрослый разум прекрасно понимал, в какой колоссальной растерянности, в каком аду находилась эта структура в самые первые месяцы войны.

Когда из всех щелей, пользуясь неразберихой и всеобщей паникой, лезли реальные предатели, обученные диверсанты, откровенные трусы и сеющие ужас паникеры. Сидя в уютном кресле в прошлой жизни, хотелось всех судить и раздавать ярлыки.

Мы сидели в душной, пропахшей махоркой и сырой землей избе.

— Как погиб командир корпуса Петровский? — тяжело уронил слова сидевший за хлипким столом политрук.

Он спрашивал это глухим, надтреснутым голосом абсолютно обреченного человека. Не просто смертельно уставшего от бессонных ночей, а именно того, кто внутри себя уже готов был сорваться, заорать во всю глотку, что всё пропало и фронт рушится. Но он нечеловеческим усилием воли давил в себе этот крик, цепляясь за остатки выдержки, чтобы самому не превратиться в того самого паникера, которых он по долгу службы обязан был выявлять и ставить к стенке.

Он был относительно молод. По крайней мере, по сравнению со мной — сорокашестилетним мужиком, который оставил где-то там, в недостижимом будущем, целую жизнь. Но диссонанс ситуации заключался в том, что сейчас я сидел перед ним в теле совсем еще мальчишки. Лет двадцати двух лет, не больше. Да, точно, двадцать два — память реципиента услужливо и четко подкинула эту цифру.

Мальчишка... этот, я, с позволения сказать, пацан, прошел спецшколу НКВД, сейчас должную базироваться в Чонках, поселке у Гомеля. Да, это были краткосрочные курсы, такие школы срочно создавались в прифронтовой зоне для подготовки подполья и диверсантов. Но все равно, абы кто туда не попадал И еще он, я, прошел курсы снайперов... Мальчишка... Мама у него учительница немецкого, так что парень знал этот язык, как второй родной.

Да и бывают ли на войне мальчишки? Разве ставший на ящик, чтобы добраться до станка, десятилетний парень, выдающий норму изготовления снарядов... Это его мальчишкой назвать? И сколько таких, кто и сражался. Так что лет мне очень даже прилично.

— На колону напала диверсионная группа немцев. Возможно, из «Бранденбурга-800»... — начал было я по-военному описывать картину кровавого боя в лесу, и тут же осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

Меня мгновенно перебили.

— Что еще за «Бранденбург» такой? — голос политрука изменился до неузнаваемости.

Налет усталости сдуло, как пепел на ветру. Теперь на меня в упор смотрели холодные, колющие глаза гончей, внезапно почуявшей свежий кровавый след. словно бы гончая взяла след. Да он на своем месте! Чует, в чем соль.

Вот только у меня внутри неприятно похолодело. Нужно было жестко фильтровать всё, что выдает мой язык, отягощенный знаниями послевоенной истории. Хотя я был почти уверен, что о существовании этой элитной диверсионной организации абвера, направленной на подрыв советского государства (а до этого успешно развалившей тылы Польши), в НКВД уже должны были хоть что-то слышать. Но, видимо, я бежал впереди паровоза. Пришлось спасать ситуацию и импровизировать на ходу.

— Перед тем, как я окончательно успокоил одного из них, — я заставил свой голос звучать ровно и хладнокровно, глядя прямо в глаза чекисту, — подранок в бреду бормотал, что он из какого-то особого то ли полка, то ли батальона диверсантов. Называл его «Бранденбург-800». Насколько я успел понять из его предсмертного трепы и того, что видел сам, это польские и русскоязычные диверсанты. Скорее всего, набраны из числа контрреволюционных элементов и белоэмигрантов. Часть из них в совершенстве владеет русским языком, без малей-

шего акцента. И не только русским, но и другими славянскими, что позволяет им легко мимикрировать под местных...

— Мимикр... По существу, мимикра... – было видно, что политрук немного, но растерялся.

Я говорил размеренно, а сидевший за приставным столиком армейский сержант — писарь — до боли закусив нижнюю губу, яростно строчил перьевой ручкой, силясь задокументировать каждое мое слово. Он явно не поспевал за ходом мысли и словами, что звучат, нервничал, и с острого пера на серую бумагу протокола шлепнулись уже две жирные, расплзающиеся чернильные кляксы.

— Аккуратнее давай. Перепишешь потом всё начисто, — раздраженно бросил политрук писарю, не сводя с меня давящего взгляда. Затем он подался вперед, нависнув над столом, и заговорил тише, но гораздо жестче: — А ты продолжай, лейтенант. Подпишешь после чистый лист, чтобы он переписал.

Что? Удивительная уловка на простаков. Такие могут быть лейтенантами Красной Армии?

— Когда перепишет, я подпишу, – сказал я.

— Ты подпишешь все, что мне нужно! – вдруг выкрикнул тот.

Но я не показал, что испугался. Тоже психологический прием.

— Ну да... генерал не должен был барышню кисейную взять себе в порученцы... Держишься. Но ты учти одну простую вещь. Солдаты и командиры здесь генерала боготворили. Если я выведу тебя во двор и отдам им — они порвут тебя на куски голыми руками. Растерзают в клочья. Им прямо сейчас жизненно необходимо найти виноватого в его смерти. Да и мне в Ставку придется докладывать, что за катастрофа произошла и кто конкретно тому виной. Так что если есть, что скрывать — признавайся быстрее, не тяни резину. Фронт трещит по всем швам. Мало ли, может, уже через час сюда немецкие танки прорвутся. А ты душу не облегчил.

Сказав это, особист резко дернулся, подался вперед через стол, и его уставший взгляд мгновенно сменился на бодрый, цепкий, сканирующий. Он бросил эту фразу про прорыв немцев как наживку. Я почти физически ощутил, как захлопывается психологическая ловушка. Он ждал. Наверняка рассчитывал, что засланный немецкий шпион, услышав о скором подходе «своих», хоть на долю секунды расслабится, выдаст себя микромимикой, облегченным выдохом или предательским блеском в глазах.

Но я был абсолютно спокоен. Причем, осознал я это с секундным запозданием. Настоящий командир Красной Армии, услышав о прорыве фронта, должен был как минимум встрепетаться, гневно сжать кулаки, начать рваться в бой, требовать винтовку, чтобы грудью встретить врага на передовых рубежах. Мое же ледяное хладнокровие взрослого человека из будущего играло сейчас против меня.

Нужно было срочно исправлять положение, перехватывать инициативу.

— Разрешите, я все-таки доложу по порядку, что произошло на трассе, — я вытянулся, чеканя слова с легким, но заметным напряжением в голосе, имитируя сдерживаемую ярость. — Вы могли бы немедленно послать туда опергруппу. Они осмотрят место боя. Там, у второй машины, остался убитый полковник. Я не стал его забирать, физически не смог бы вывезти двоих. Посчитал, что собрать оружие и сохранить документы павших командиров важнее. Но тело комкора, как вы видели, я не бросил.

— Давай, докладывай, — он тяжело вздохнул и раздраженно махнул рукой, словно мое предложение и так было очевидным.

Особист взял со стола алюминиевую кружку и сделал большой глоток. Чай, судя по всему, давно остыл, но по тесной избе мгновенно поплыл такой густой, терпкий аромат чифирия, что стало ясно: это варево могло поднять и мертвого.

Я начал рассказывать. Естественно, фильтруя каждое слово. Я выдавал правду, но далеко не всю. И уж точно ни единым намеком не коснулся того, кем являюсь на самом деле и как мое сознание оказалось в этом молодом теле. Я просто сухо описывал боестолкновение, расположение тел, звуки выстрелов. Любой мало-мальски грамотный следователь мог по этим фактам додумать и восстановить картину засады вплоть до того момента, пока шальная пуля не оборвала жизнь моего реципиента.

— Вот так вот? Одним взмахом, семерых убиваю? — усомнился он.

— В Витебской школе НКВД и не тому обучат.

— Да уж... — согласился он. — А где сейчас школа-то та? В Витебске?

— После прорыва немцев на Рослав, передислоцирована в поселок Ченки у Гомеля.

— Слушай, лейтенант... А почему ты со мной сейчас так разговариваешь, будто бы знать меня не знаешь? — он прищурился, и в избе повисла звенящая тишина. Слышно было только, как скребет пером по бумаге испуганный писарь.

Внутренности стянуло ледяным узлом. Очередная ловушка памяти! Реципиент его знал. Я, наверное, все же на долю секунды не справился с лицом, выдав искреннее недоумение, но жизненный опыт взял свое. Мозг сработал молниеносно, цепляясь за спасительную логику арестанта.

— А как мне с вами разговаривать, товарищ лейтенант госбезопасности? — я позволил в голосе проскользнуть горькой, колючей обиде. — Мало ли, что вы сейчас в моих действиях усмотрите. Может, найдете состав преступления, диверсанта во мне признаете или в трусости обвините. Какие же мы с вами в таком случае друзья или старые знакомые? Вы при исполнении, я под подозрением.

Ответ выстрелил точно в цель. Особист на секунду замер, обдумывая мои слова, а затем его жесткие черты лица неумовимо смягчились.

— Да уж, друзья из нас сейчас действительно никакие, — глухо произнес он. — А ведь виделись-то всего один раз, когда я списки личной охраны комкору Петровскому доводил по своему ведомству... Какой комкор был! Глыба!

Лейтенант снова поднес к губам алюминиевую кружку и одним махом, словно там был не крепкий чай, а чистый спирт, влил в себя остатки цифири. Он шумно, со свистом выдохнул через сжатые зубы, только что рукавом не занюхал. Помянул.

— Так, значит, в Старой Рудне еще германца нету? — особист вернулся к реальности, снова превратившись в холодного прагматика.

— Никак нет, не могу знать. Мы до деревни так и не доехали, — четко по-военному отрапортовал я. — Засада была раньше. Но плотные звуки артиллерийского боя и пулеметной трескотни были впереди. Километрах в семи, не больше.

— Понятно... Иди пока, посиди, — лейтенант устало потер переносицу. — Я опергруппу на место уже отправил. Как вернутся, сравним показания, тогда и поговорим детально.

Он небрежно, не глядя, махнул рукой конвоиру, застывшему у дверей. Тот тут же ткнул меня стволом в спину: «На выход!».

Уже через пять минут меня втолкнули в отдельную избу, переоборудованную под временную гауптвахту или камеру предварительного заключения. Окна здесь были наглухо заколочены досками, внутрь пробивались лишь тонкие полоски дневного света, выхватывая танцующую в воздухе пыль. Пахло кислым потом, прелой соломой и животным страхом.

В камере, кроме меня, находились еще трое. Один, совсем молодой боец в изодранной гимнастерке, забился в дальний угол. Он обхватил колени руками, мелко трясся и непрерывно, захлебываясь, рыдал. Его сломанная психика не выдерживала, и уже через пару минут этот скулеж начал откровенно бить мне по нервам, вызывая глухое раздражение.

Остальные двое держались иначе. Они сидели на лавке вальяжно, с высокомерной, откровенной ленцой. Я стоял у порога, молча оценивая обстановку. Опыт подсказывал не спешить

с приветствиями, не желать «вечера в хату». В этой мутной воде первых месяцев войны было совершенно непонятно, с каким именно отребьем — уголовниками, дезертирами или мародерами — меня свела судьба.

Вдруг один из сидящих мужиков небрежно поднялся. Он подошел к рыдающему парню и, лениво размахнувшись, с садистским удовольствием пробил скрученному от страха бойцу тяжелым сапогом по ребрам. Раздался глухой вскрик. При этом он следил за моей реакцией.

— О, командирчик пожаловал, — протянул второй, не вставая с нар. Голос его был хриплым, с издевательской хрипотцой.

Я шагнул вперед, сжимая кулаки.

— Чего бойца бьете? — мой голос прозвучал сухо и угрожающе тихо.

Хотя вопрос хотелось задать osobistu. Почему эти, явно же деструктивные элементы, не расстреляны. Немец совсем близко, тут не до судебных процессов.

Тот, что бил, медленно повернулся ко мне. В полумраке блеснули злые, колющие глаза.

— А ты с чего вдруг такие вопросы задаешь, начальник? — ухмыльнулся он, оценивающе скользя по моей форме без ремня. — И от чего сам здесь оказался? Паникер? Трус? Или как вас там еще называли... грозные победители, которые всю границу просрали и бегут теперь до самой Москвы, поджав хвосты?

Оба борзых сокамерника уставились на меня тяжелым, изучающим взглядом волков, готовящихся попробовать на зуб новую жертву. В воздухе запахло кровью.

Я заставил себя застыть, словно изваяние. Опыт подсказывал: не спеши показывать клыки, не мечи бисер и уж тем более не начинай сейчас пафосно вещать про Родину и Сталина. Во-первых, это бесполезно. Не без оснований эти явные предатели ждут прихода немцев. Не только мрази, но еще идиоты. Но объяснять это я не хотел.

А во-вторых, я хладнокровно рассудил, что смогу выгадать для себя неплохие дивиденды, если позже, на допросе, выложу osobistu всё, что эти двое упырей сейчас наболтают в камере. Надо отдать лейтенанту должное: он явно сидел на своем месте, раз вычислил и закрыл этих неприкрытых коллаборантов. Но то, что сразу не расстрелял, это он зря.

— Чего молчишь, командирчик? — с издевкой протянул второй мужик, делая размашистый, угрожающий шаг мне навстречу и недвусмысленно, до хруста костяшек, сжимая тяжелые кулаки.

— А что тут говорить? — я криво усмехнулся, глядя ему прямо в глаза. Но удержаться в роли стороннего наблюдателя до конца не смог. Внутри всё клокотало от ярости на эту мразь, сдающую свою страну. — Разве что... Почему не кричишь, что враг будет разбит, в победа будет за нами? Мы вот ждем... хиленький чекист попался, марать руки не решается. А мне уже по...

Кипел мой разум возмущенный, как пелось в старом гимне.

— Курва, красноперый недобиток, — зло сплюнул под ноги ближайший ко мне здоровяк. — Вы че, реально до сих пор не догоняете, что всё, амба? Что вашей большевистской власти капут пришел? Немцы уже под Москвой, а вы всё талдычите...

Он не успел договорить. Я не стал ждать, пока он замахнется. Резкий, пружинистый шаг навстречу — и я вбил ему в челюсть короткий, тяжелый, совершенно не изящный, но зубодробительный хук справа. Мужик крикнул и мешком осел на грязный пол, пуская кровавые слюни.

Второй с рычанием бросился на меня сбоку. Я ушел с линии атаки, жестко остановил его прямолинейный порыв прямым ударом ноги в живот — так, что тот согнулся пополам, хватая ртом воздух, — и тут же, добавив корпусом, снизу вверх впечатал колено ему в лицо. Раздался неприятный хруст. Второй улетел в глубокий нокаут, рухнув рядом с поделщиком.

— Зарылись под шконку, сявки! — прорывал я на чистом лагерном жаргоне, тяжело дыша. — Кто рыпнется оттуда — резать буду. Поняли, гниды?! На ремни, суки.

Из-за тонкой дощатой двери не доносилось ни звука, но я был уверен: там топчутся как минимум двое конвойных. И они прекрасно слышали весь этот аудиоспектакль от первого до

последнего слова. И не вмешивались. Наверняка их командир приказал греть уши. Вот только зря они так... Пока они там прислушивались, эти твари успели изрядно помять пацана.

Я подошел к скулящему в углу бойцу и осторожно приподнял его за плечи. Картина была скверная. Лицо превратилось в одну сплошную кровавую маску, нос явно сломан и свернут набок. И судя по тому, как он хватал ртом воздух, когда я до него дотронулся — ребра эти суки ему тоже помяли основательно.

— За что они тебя так? — тихо спросил я, боковым зрением непрерывно контролируя двух пришедших в себя коллаборантов. Те, постанывая и вытирая кровь, по-крабьи попятились в самый дальний угол камеры и затихли там, злобно перешептываясь.

— Они... они втроем уходили к лесу, — сглатывая кровь, зашептал парнишка. Ему было больно говорить, но его явно прорвало. — Наш командир приказал стрелять по дезертирам. Я выстрелил... одного из ихних убил насмерть. А потом... потом нас сразу накрыло немецкими минами. Артобстрел закончился, наши пошли в контратаку. Санитары бегут, а тут мы лежим... Командир наш погиб. Все наши погибли. А эти двое живые остались, и я контуженный. А вокруг нас — немецкие листовки валяются. Ну, те самые, пропуски в плен, с которыми сдаваться нужно. Вот нас всех скопом и загребли...

Парнишка оказался на редкость словоохотливым. Даже разбитый в кровь рот и выбитые зубы не мешали ему торопливо выплескивать свою беду, отчаянно ища во мне защиты.

— Обязательно разберутся, — твердо сказал я, глядя в его глаза.

— Да? Они про Сталина рассказывают, как любят вождя, это тут только такие...

— Я сказал, что разберутся!

Сказал — но сам, конечно, ни на грош не был в этом уверен. От чудовищных, фатальных ошибок не застрахован ни один следователь, даже когда он работает в комфортном кабинете, с сытым желудком, а за окном не рвутся снаряды.

Что уж говорить про нынешнюю ситуацию... Нервы у всех натянуты до звона. Армия истекает кровью и отступает. А политруки, от которых требуют железной рукой наводить порядок и гнать людей в атаки, сами находятся в дичайшем стрессе. Всё валится из рук, кругом неразбериха, паника, растерянность. В такой мясорубке ошибок было, есть и будет страшно много. И цена каждой — человеческая жизнь.

— Слушай... а тут вообще пожрать дают? — спросил я, почувствовал, как желудок скручивает болезненный спазм. Я вдруг осознал, что зверски, невыносимо голоден.

— Да откуда? — парень пожал плечами и тут же поморщился от боли в ребрах. — Может, скоро покормят. Со вчерашнего дня тут сидим.

Я присмотрелся к нему в полумраке. Ему вряд ли было больше девятнадцати. Совсем мальчишка. Русский, в смешных рыжих конопушках, совершенно ничем не приметный паренек. Выделялись только его руки — непропорционально большие, с тяжелыми, натруженными крестьянскими ладонями, привыкшими к плугу, а не к винтовке. И при этом у него были совершенно пронзительные, по-детски ясные, кристально чистые голубые глаза. В них светилась такая отчаянная наивность и вера в справедливость, что мне стало тошно.

Чистая доска. *Tabula rasa*. Я смотрел в эти по-детски ясные глаза и понимал: кто первым впишет в них свои смыслы, тот и будет определять дальнейшее поведение этого парня. Он был невероятно внушаем. И в этой кровавой мясорубке, возможно, это было даже к лучшему. Главное — успеть хорошенько внушить ему правильные вещи, чтобы не дать перебить повестку кому-то другому.

— Посматривай за этими, пока я отдыхаю, — я кивнул в сторону угла. — Если вдруг отвернусь или усну, а они дернутся — сразу кричи. Будем наказывать жестоко.

Я сказал это нарочито громко, чеканя каждое слово, чтобы две забившиеся в угол крысы отчетливо всё услышали. Трогать и мारать об них кулаки у меня больше не было ни малейшего желания. Я искренне надеялся, что совсем скоро эти твари и так встанут к стенке.

Сам же я тяжело опустился на скрипучую скамейку, облокотился затылком о шершавую бревенчатую стену, прикрыл глаза и, к своему собственному удивлению, почти мгновенно провалился в тяжелую, мутную дрему. Организм брал свое.

— Шилович, на выход! — из вязкого полусна меня грубо вырвал грозный рык конвоира. Дверь камеры была распахнута.

Да, согласно документам, да и остаткам слепка памяти, мою нынешнюю «оболочку» зовут Шилович, Иван Антонович.

Я не стал вскакивать. Медленно, с достоинством приподнялся со скамьи, всем своим видом показывая, кто здесь хозяин положения. Но этот спектакль предназначался не конвою, а тем двоим предателям, что оставались в полумраке избы.

Я остановился в дверях, медленно повернул голову и вперил в них тяжелый взгляд.

— Если хоть что-то с парнем случится, пока меня нет — я вам лично глотки зубами вырву. Усекли, суки?

Они промолчали, вжавшись в бревна. Я шагнул за порог.

Меня вновь привели в ту же избу к лейтенанту госбезопасности. Он сидел в той же позе, только лицо казалось еще более серым и осунувшимся. На столе перед ним были разложены мои документы, удостоверение личности и те окровавленные бумаги, которые я успел выгребсти из карманов убитых диверсантов. Особист тер виски, пытаюсь найти хоть какие-то нестыковки.

— Мои люди не смогли пробиться к месту засады, — глухо произнес он, не поднимая на меня глаз. — Напоролись на передовой дозор. Чудом развернулись и ушли. Одного потеряли. В Старой Рудне уже немцы. Скоро будут и здесь. Очень скоро...

Он наконец поднял тяжелый взгляд.

— Я тебе это говорю, лейтенант, потому что нутром чую — не скотина ты. Свой. Вроде бы свой... Да только таких «своих» сейчас... Разбираться надо с каждым. Досконально. А времени на это нет. Генерал тебе доверял, а это для меня сейчас хоть какая причина. Но... как ты у него появился, так и засада... Многое прояснить нужно.

— Разрешите вопрос!

— Ну, валяй... Только нет, я не отпущу. Машина скоро уйдет, поедешь дальше, пусть разбираются. Нужно же знать, как погиб комкор. Тут без вариантов.

— Я не про то. А почему тех двоих не расстреляли?

— А у них батальон poleg весь... весь, а эти трое живы. Диверсанты? Вот и я не знаю. И времени колоть нет. Но, не сомневайся, расколю всех, — сказал он.

Я слушал особиста и не верил своим ушам. Почему он говорит таким отрешенным, глухим тоном? За одно только это откровенное пораженчество и паникерство его самого можно было ставить к стенке. Но, видимо, ситуация была действительно катастрофической. Я прислушался. Да, тяжелые раскаты артиллерии звучали уже не отдаленным гулом, а били по ушам так же звонко, как тогда, у леса. Фронт стремительно катился на нас, сжирая эти тридцать километров как нечего делать.

— Тело комкора Петровского я передал летчикам, — продолжил особист, глядя в пустоту. — Его увезут на самолете, который вторым уже прислали, чтобы эвакуировать генерала в Ставку. Он ведь приказ нарушил. Его в Москву отзывали, понимали, что здесь дело обреченное, котел захлопывается. А он своих бросить отказался... Поехал в войска, а в самолет раненного посадили.

Лейтенант замолчал, а у меня внутри все похолодело от этих слов.

— Ну, а тебя... может проще расстрелять, чем в чем-то разбираться, Шилович? — буднично, без всякой злобы констатировал чекист. — Пойми логику. Кто-то из своих вывел генерала прямо на эту засаду. Сводки с того участка фронта приходили ясные — немцы начали прорыв. Но они ударили в *других* местах! А Петровский поехал по маршруту, где было тихо, и именно там его ждали. Сдали его, понимаешь? Кто-то слил маршрут. Так это ты? Облегчи

душу, лейтенант. Расстреляем по-быстрому, да и делов с концом. Всё равно все там скоро будем.

— А ты что душу мне свою изливаешь? — сказал я. — Хочешь, что бы пожалел и сказал, что да... Стреляй меня, раз нужно... Вот только кому нужно? Мне? Нет. Да и тебе не нужно. А Родине? Тоже нет. Я могу ей, Родине послужить.

Умирать второй раз подряд в мои планы совершенно не входило. Я только набрал в грудь воздуха, чтобы жестко добавить к своим словам смыслов, как дверь с треском распахнулась.

— Товарищ лейтенант госбезопасности! — в избу буквально ворвался сержант. — Готовы приступить к погрузке архива! Машины поданы!

Лейтенант медленно моргнул, словно выныривая из глубокого омута. Лицо его окончательно окаменело, превратившись в посмертную маску.

— Приступайте, — бросил он усталым, мертвым тоном. — И подготовьте во дворе расстрельную команду.

Вот так просто. Одной короткой фразой, между сборами бумажек, решались человеческие судьбы. Моя судьба.

Внутренности стянуло в тугой, пульсирующий ком. Умирать, да еще вот так, бессмысленно, у бревенчатой стенки от рук своих же, совершенно не хотелось. Первая инстинктивная мысль была — рвануть в окно, вырубить конвоира, бежать, раствориться в наступающем хаосе.

Но я тут же задавил этот порыв. Чем я тогда буду отличаться от тех крыс, что трясутся сейчас в соседней комнате? К тому же, я был уверен, что смогу принести колоссальную пользу своей... новой Родине. Хотя Родина у меня всегда была одна. Это просто прошлое Родины, за которую я уже однажды отдал жизнь.

— Есть еще что сказать перед тем как..? — лейтенант посмотрел на меня пустыми глазами, явно желая поскорее закончить с этой формальностью.

Сказать osobисты было что. Я мог бы вывалить на него тонны информации. Но выглядеть сумасшедшим провидцем, бредящим про котлы и катастрофы, слова которого в этой суматохе никто не воспримет всерьез?

Глупо. Лихорадочно чертить на обрывке бумаги схему узлов автомата Калашникова? Идиотизм. Немцы уже почти здесь. С вероятностью в девяносто процентов эти бумажки попадут в руки абвера быстрее, чем доедут до Москвы. И тогда к сорок третьему году мы получим вермахт, вооруженный лучшими в мире автоматами. Нет, так рисковать было нельзя.

Я промолчал.

— Уведите, — выдохнул он.

Меня повели обратно. Дверь в нашу импровизированную камеру была распахнута настежь. Внутри, хмуро наставив мосинские винтовки на двух предателей, стояли двое бойцов. Видимо, как только я вышел, эти упыри попытались взять реванш на избитом пацане, но тут уж конвой вмешался, прекратив произвол.

Я только перешагнул порог, как с улицы донесся истошный, срывающийся крик:

— Воздух!!!

И почти сразу же с неба обрушился тяжелый, давящий на барабанные перепонки гул моторов, мгновенно перешедший в пронзительный, ледящий душу вой падающих бомб.

Глава 4

Жлобинский район. Деревня Хальч.

17 августа 1941 года

Вой сирены, или что это было такое, больно резанул по ушам. Как там у фашистов эти пикировщики назывались? Юнкеры? «Лаптёжники»?

— Ба-бах! Ба-бах!

Земля содрогнулась. Удары были такой силы, что с потолка избы густо посыпалась сухая земля и соломенная труха.

— Быстро из дома! На улицу, в щели! — заорал я, инстинктивно падая на пол.

Но молодые конвойные, побледнев до синевы, лишь судорожно передернули затворы мосинок и направили стволы на меня, всем своим видом показывая: дернешься — пристрелим на месте. Приказ есть приказ.

— Бааах!

Очередной разрыв грохнул совсем рядом, на мгновение оглушив. Сквозь звон в ушах я расслышал длинные, захлебывающиеся очереди зенитных пулеметов. Пытаются отогнать стервятников. Но тут же в эту какофонию вплелись частые, хлесткие хлопки полевой артиллерии.

Трехдюймовки били прямой наводкой где-то совсем близко, на окраине большого, вытянутого вдоль дороги села. И били они явно не по небу. Значит, немцы уже вошли. Как же слаженно работают немцы. Уровень согласованности действий, как в двадцать первом веке. Ну почти.

Тут разрывы бомб, там наступает пехота. Нет... враг пришел на наши земли серьезный, с идеальной согласованностью в действиях. Авиация ювелирно расчищает путь наземным частям.

— Ба-бах! — прилетела шестая.

— Сержант! Фашисты уже в деревне! Отпусти, нам крышка тут всем под обломками! — прорычал я, поднимая голову от пола.

— Не велено... — крикнул сержант, но голос его дрогнул, а глаза безумно заметались по избе.

И тут ударило по-настоящему. Бомба легла буквально в соседнем дворе. Дом подпрыгнул, как деревянная игрушка. Окна, заколоченные досками, вынесло внутрь вместе с рамами и тучей стеклянной шрапнели. Острые как бритва осколки посекали конвоиров и тех двух арестантов, которые сдуру жались к стенам у окон, надеясь, видимо, при первой возможности сигануть наружу. Я же, помня современную фронтовую науку, лежал в самом центре комнаты, плотно закрыв голову руками и приоткрыв рот, чтобы не лопнули перепонки.

Доски пола заходили ходуном, меня подбросило и швырнуло на стену. Я упал на одно колено, но тут же вскочил, на ходу стряхивая с себя мусор и пыль. В два прыжка оказался рядом со стонущим пареньком-конвойным, рывком поднял его за шиворот и потащил к выбитой двери.

— Сержант! Собирай своих и догоняй, пока нас тут не похоронило! — рявкнул я на контуженного командира конвоя, который осел на полу и тупо смотрел на свою окровавленную руку.

Краем глаза я успел заметить, как одна из «крыс» — тот самый здоровяк-уголовник, которому я давеча свернул челюсть — с неожиданной для его габаритов прытью вынырнул из-под обломков, рыбкой сиганул в пустой оконный проем, лихо сгруппировался в падении и, припадая на одну ногу, рванул огородами к спасительному лесу. Хрен с ним. Сейчас точно не до него.

— Что сидишь? — выкрикнул я, вытягивая за руку того парнишку с веснушками, которых сейчас почти не видно из-за кровавых подтеков.

Я резко, с ноги, вышиб входную дверь в комнату. Оказались в другой, где уже не было лейтенанта госбезопасности, как и его писаря. А вот крепкий чай был... залит на пол. Я потащил парня мимо стола особиста. Стулья перевернуты, бумаги разлетелись по полу.

Надежда была на машину, что тут стояла, причем полную оружия, на которой я приехал. Но, как только я выбежал во двор, к пыли от разрыва бомб добавилась и та, которую поднял стремительно удаляющийся автомобиль.

Мы вывалились на крыльцо. Сержант, который был конвойным, мой побитый сокамерник и... Все. Воздух был серым от пыли и тротиловой гари. Дышать было нечем. Взгляд выхватил еще и уезжающую по дороге полторку. Машина редела мотором на первой передаче, доверху забитая какими-то железными ящиками, туго перевязанными папками и толстыми книгами. Архив корпуса?

В кузове, цепляясь за борта, сидело человек семь бойцов в васьковских фуражках. И среди них, с пистолетом в руке, я разглядел бледное лицо того самого лейтенанта. Они уходили. А мы оставались.

— Ба-бах!

Очередная авиабомба с воющего в пике «юнкерса» легла ровно в тот дом, из которого мы только что выскочили. В спину с размаху ударила тугая, горячая ударная волна, швырнув меня на пару метров вперед, лицом в грязное крошево двора. И это падение спасло мне жизнь. Буквально на уровне того места, где за долю секунды до этого находилась моя голова, с гудящим свистом пронеслось тяжеленное обугленное бревно. Оно с влажным хрустом вонзилось в землю всего в полуметре от моего лица, обдав меня комьями глины.

Я сплюнул скрипящую на зубах землю и обернулся.

— Красноармеец! Живой?! — заорал я сквозь звон в ушах.

Из-под слоя серой пыли донеслось глухое, сдавленное:

— Угу...

— Сержант? — выкрикнул я. — Сержант?

Оперся на руки, встал, подошел к лежащему сержанту. Даже пульс проверять не было смысла. Неестественная поза, скрюченная, как словно бы пополам переломленный.

Беру его винтовку, отброшенную в сторону, снимаю сухарную сумку, где сержант хранил патроны, как и многие другие бойцы.

— Красноармеец, мигом за мной! Уходим в лес! Увидишь брошенное оружие — хватай! — командовал я, поднимаясь на ноги.

По совести, надо было бы занять оборону. Но оборонять было нечего и не с кем. Вокруг метались обезумевшие люди, никто не понимал, куда бежать и что делать.

Я не слышал ни единого командирского приказа, не видел ни одной организованной группы, к которой можно было бы примкнуть, чтобы дать врагу хоть какой-то осмысленный отпор. Абсолютный, первобытный хаос. И над всем этим адом, с мерзким, рвущим душу воем, раз за разом заходили в пике фронтовые бомбардировщики, щедро сбрасывая свои смертоносные «цивилизованные» подарки.

Скоты. Твари. Ведь в деревне, помимо отступающих частей, оставалось полно гражданского населения. Даже я успел бабульку со скрынкой молока увидеть. Никакой эвакуации здесь организовать не успели, или даже не думали об этом. Под обломками пылающих хат прямо сейчас гибли женщины, старики и дети. Погибали те солдаты, которые могли бы еще показать зубы врагу. Но нет нужных слов.

Мне начать организовывать? Кого? А кто рядом и может тех, кто сейчас бежит в лес.

Мы рванули в сторону, пробираясь огородами — примерно тем же маршрутом, которым минуту назад ушел тот сучонок-предатель. Возле поваленного забора я наткнулся на тело убитого осколком младшего лейтенанта.

Не раздумывая ни секунды, я выдернул из его кобуры ТТ и сгреб запасной магазин. Сняв пистолет с предохранителя, я бежал, постоянно водя стволом из стороны в сторону. Ждать пулю сейчас приходилось не только в лоб от наступающих немцев, но и в спину — к сожалению, и в родном Отечестве хватало гнили, готовой выстрелить из-за угла.

Впереди темной стеной вставал лес. Сейчас он казался единственным спасительным оплотом. Я любил лес. Я в нем, почитай, вырос. Но отсиживаться в кустах и ждать у моря погоды я точно не собирался. Враг пришел на мою землю, и я буду его убивать.

Я пересек невидимую черту опушки, ныряя под спасительную сень вековых деревьев. Остановился, тяжело дыша, и на секунду обернулся, глядя на полыхающую деревню, над которой поднимались жирные столбы черного дыма. В груди защемило от тяжелой, бессильной ярости.

Похоронить бы их всех... По-человечески. Но сейчас нужно было выжить.

Или не все потеряно? Два танка выезжали на поле и устремлялись в сторону немцев. Один по дороге, другой по полю. Но два... всего лишь... [история с танками и танкистом описана со слов очевидцев].

Хлесткий, бьющий по перепонкам выстрел танковой пушки резанул ухо. Снаряд лег кучно — прямо в серо-зеленую массу фашистов, скапливающуюся у крайних изб. Я зло оскалится. Наша угловатая, клепаная «тэшка», внезапно оказавшаяся здесь самым грозным аргументом, перла вперед, выплевывая сизый дым. Противотанковой артиллерии у немцев пока не было, а значит, машина могла жить.

Но боковым зрением я уловил движение. Слева, метрах в ста от меня, из неглубокой ложбины вынырнула сутулая фигура. Немец рванул наперерез танку. В откинутой назад руке тяжело болталась длинная деревянная рукоять, увенчанная громоздким букетом взрывчатки. Связка.

Я рухнул на колено, машинально скидывая винтовку. Приклад жестко вмялся в плечо. Вдох. Выдох. Задержать дыхание. Мушка пляшет, пытаясь поймать бегущего врага, но дистанция слишком велика для верного выстрела навскидку. И тут немец сделал мне подарок. За десяток метров до танка он резко затормозил, упираясь сапогами в землю, и весь подался назад, вкладывая корпус в тяжелый бросок.

Фигура замерла. Миг.

Плавно, тягуче выбираю спуск.

—Бах!

Приклад лягнул в плечо, запахло кислым порохом. Немца словно сбilo невидимым бревном. Он нелепо взмахнул руками и рухнул лицом в затоптанную траву. Спустя секунду там, где он упал, с гулким, рвущим землю «Ба-бах!» сдетонировала выроненная связка, подняв грязный фонтан земли пополам с дымом.

«Тэшка», Т-26, проскочила сквозь этот дым, огрызаясь длинными пулеметными очередями. Я уже подался вперед, собираясь рвануть в кильватер за спасительной броней — за ней уже пристраивались несколько осмелевших бойцов. В груди даже шевельнулась шальная надежда на контратаку.

И тут все рухнуло.

Надсадный, воющий скрежет фрикционов перекрыл звуки стрельбы. Танк дернулся, гусеницы бешено замолотили грязь, но машина не сдвинулась ни на дюйм. Засела. Намертво, по самое брюхо. Фигурки красноармейцев, только что бежавшие за броней, брызнули в разные стороны, мгновенно осознав, что превратились в мишени. Танк еще отчаянно огрызался, прижимая немцев к земле, но это была агония.

А внизу, в деревне, продолжалось методичное, безжалостное избиение потерявших хоть какую организованность бойцов 63-го корпуса 21-й армии. Я смотрел на этот ад и с холодной ясностью понимал: будь здесь сейчас хоть с десятков крепких командиров, способных наганами и матом сбить ополоумевших людей в цепь — немцы бы умылись кровью.

Да, потом они бы откатились, вызвали минометы, навели по радио воюющие «лаптежники» и смешали бы деревню с землей. Но это дало бы нам главное. Время. Время, чтобы увести тех, кто еще может держать оружие. Дороги на юг и восток наверняка уже перерезаны их мотоциклистами, но этот лес за спиной — наша последняя спасительная брешь.

— Чего встали, товарищ командир? — хриплый, срывающийся голос выдернул меня из мыслей.

Рядом, тяжело дыша, стоял красноармеец. Тот самый, что еще минуту назад прятался за стволами, готовый дать деру. В глазах — дикая смесь паники и надежды на то, что я знаю, что делать.

Я передернул затвор винтовки. Лязг металла прозвучал неожиданно громко.

— Товарищ лейтенант, почему вы стоите? Почему в лес не уходите? — голос его дрожал, глаза шальные, блуждающие.

— Отставить панику! — процедил я, глядя ему прямо в глаза. — Готовься к бою!

— Я?

— Зря заступился! Ты, твою мать, боец Красной Армии! Ссаться в детстве нужно было! П

Он смотрел на меня с надеждой, как ребенок ждет неминуемого смягчения родительской сердитости. Нет... Такого не будет. И он понял это. Хотя то и дело бросал взгляды с завистью в сторону.

Именно сюда, в зелень, и тянулся ручеек беглецов. Одни неслись сломя голову, многие побросав винтовки, другие отходили перебежками, огрызаясь огнем. Но по большей части, завидев меня, офицера, да который еще и сам не драпает, а готов воевать, паникеры, трусы и просто растерявшиеся бойцы старались убежать в лес вдаль от меня.

Я ловил взгляды на себе, чувствовал их подсознанием, чуйкой. Кому-то было стыдно за свое малодушие, иным — нет. Первых организовать бы. Вторых наказать бы.

Тем временем, на помощь одному танку, застрявшему в поле, пришел второй. Правда издали, но танкисты старались отсекал немцев, стремящихся теперь уже взять советский танк и не взрывая его. Трофей. Может быть, но пока так отчаянно огрызающийся, что колом встанет идея взять технику целой.

И тут мой взгляд зацепился за одну группу отступающих. Человек шесть-семь отходили на удивление слаженно, образовав живой щит вокруг одного бойца. Тот — пограничник, судя по форме — бежал к лесу, намертво прижимая к груди какой-то сверток. Настолько ценный, что ради него солдат бросил оружие, винтовку, но был с пистолетом. Полковое знамя? Очень похоже.

— Да что ж я такой непоседливый... — криво усмехнувшись, процедил я сквозь зубы. Ирония была защитной реакцией, сожалеть о принятом решении времени не оставалось.

Я рванул навстречу отступающим. Не бегущим, а отдающим свои жизни за нечто... Если за флаг, то уважение мое безмерно. Чуть отбежал вперед, к полю, от леса. Сапог едва не запнулся о валяющуюся в пыли винтовку.

— Бери винтовку и служи! — жестко припечатал я, обращаясь все еще бывшему неподдающему, но с надеждой смотрящего в лес, трусливому парню в форме красноармейца.

В груди шевельнулась тяжелая, глухая злоба и на него, и на того безымянного труса, что бросил оружие. Попался бы он мне сейчас — расстрелял бы на месте. Без колебаний. Да в лесу сейчас их столько... Патронов не хватит. А этот... вроде не безнадёжен. Оружие взял и все еще не побежал в лес.

Я вскинул свою винтовку, «мосинка» уже привычно и тяжело легла в руки. С ходу упал на одно колено, вжимая приклад в плечо. Колено погрязло в мокрой жиже и чуть было не увлекло вперед. Равновесие удержал, но пришлось потратить еще несколько секунд, чтобы сместиться к кочке и занять устойчивое положение.

Потом закрыл глаза на секунду — сбить адреналиновую одышку, унять предательскую дрожь в руках. Выдох. Глаза открыты. Мушка поймала цель.

Прямо на группу со знаменосцем, пригибаясь, бежал немецкий офицер.

Выстрел. Грохот ударил по ушам, приклад жестко лягнул в плечо. Целил в грудь, но немец на бегу дернулся, и пуля ударила ниже. Фигура в мышино-серой форме споткнулась, взмахнула руками и рухнула в траву, хватаясь за пробитый живот. Ничего. Пусть помучается.

Я дернул тугой затвор, выбрасывая гильзу, и тут же все пошло прахом.

Длинная, трескучая очередь из немецкого пистолета-пулемета вспорола воздух. Стрелок прятался где-то в высокой траве, я его банально просмотрел. Эта очередь, словно косой, в одну секунду срезала всех, кто живым щитом прикрывал отход. Они полегли разом, дав последнему шанс добежать до деревьев.

Ловлю вспышку в траве. Выстрел!

Мимо! В последнее мгновение ствол винтовки дернулся чуть вправо, пуля ушла в молоко. Не дожидаясь ответного свинца от автоматчика, я рывком бросил тело в сторону, уходя в жесткий, болезненный пережат. Спинай ощутил, как земля содрогнулась. Еще и вымочился, в мокрой форме сложнее, еще и заболело.

Но действия оправданы. Там, где я только что лежал, фонтанчиками взметнулась грязь. Немецкий автоматчик срезал очередью траву, пули злобно, по-осиному просвистели над самой головой. К ним тут же присоединились сухие, хлесткие щелчки маузеровских карабинов. Меня брали в вилку, прижимали к земле, чтобы обойти с флангов.

— Стреляй, твою мать! Позицию держи! — сорвав голос, заорал я “напарнику”.

Сзади гулко хлопнуло раз, другой. Неумело, судорожно. А затем короткий, захлебнувшийся вскрик парня оборвал стрельбу. Смерть или тяжелое ранение — проверять не было времени.

“Прости, парень, но это война!” — пронеслась в голове мысль.

Он отвлек немцев, дал мне возможность сместиться чуть в сторону и занять позицию у небольшого холма. Хотелось не думать об этом, но...

— Он же доверился мне, как щенок доброму хозяину, — сказал я одними губами, при этом оценивая свое положение и высматривая врагов.

Жалость и сомнения усилием воли гнал от себя. Сколько еще их будет... сколько из было в прошлой жизни. Это мешает работе, но это же и доказательство, что я все еще человек, а не машина для убийств. Мне это важно.

Враги почувствовали слабину. Сквозь какофонию ближнего боя — треск горящих извнизу, далекие разрывы танковых снарядов и крики — я услышал чужую речь. Немцы уже поднимались из травы для финального рывка, чтобы доклинить нас до того, как мы уйдем под защиту деревьев. Мое смещение прошло незаметным?

Используя эту секундную паузу, я приподнялся на локтях чуть выглядывая из-за холма. Времени на выверенную мушку не было. Поймал в прицел винтовки примерный квадрат, откуда полосовал автоматчик, и плавно выжал спуск.

— Бах!

Мосинка привычно лягнула в плечо. Зрение зафиксировало, как серая фигура в траве дернулась и завалилась набок. Не проверяя результат, я рванул на себя рукоять затвора. Клац-клац — стреляная гильза со звоном вылетела в грязь, новый патрон скользнул в патронник. Почти не целясь, вскидываю ствол правее, туда, где мелькнула каска второго.

— Бах!

Дикий, отчаянный вопль боли полоснул по ушам, перекрывая грохот боя. Попал!

И тут же, выбрасывая из головы всё, кроме инстинкта выживания, я сорвался с места. Вскочил и рванул со всех ног к опушке. Бежал, петляя, как заяц, ломая траекторию рваными, непредсказуемыми зигзагами. Дыхание разрывало легкие, ноги в тяжелых сапогах вязли в дерне, а в спину уже летели запоздалые пули, с чмоканьем впиваясь в землю у самых пяток. До леса оставалось метров двадцать. Пятнадцать. Десять...

— К земле! Прикрываю! — со стороны деревьев раздался отчаянный крик.

Это пограничник, тот, со свертком. Так что есть мужественные люди и с чувством долга. Боец стоял у самой опушки, решительно, и даже не растерянно, оценивая обстановку. Одной рукой он прижимал к груди тяжелый, продолговатый сверток, обмотанный грязным брезентом, а в другой сжимал вороненый пистолет ТТ.

— *Бах! Бах! Бах!* — три хлестких, частых хлопка ударили по преследователям.

На такой дистанции пистолетный огонь не мог нанести немцам серьезного урона, но заставил их на долю секунды инстинктивно пригнуть головы.

Этих мгновений мне хватило.

— Бах! — произвел я выстрел, точно попал в пулемётчика, который уже выставил свой MG-34 на сошки и принаравливался поливать всю лесную опушку пулями.

И только этим выстрелом я точно спас не меньше двух десятков человек, показавших свои спины врагу, но имеющие шанс в будущем развернуться и принять бой.

Я резко поднялся и на полной скорости, ломая кусты, буквально влетел в спасительную, прохладную тень деревьев, упав на мох и хватая ртом воздух. Погранец тут же рванул следом, увлекаясь за мной вглубь чащи. Нас засыпало срезанными пулями листьями и ветками.

Вот только бежать дальше я не мог. Хрипя от удушья, я заставил себя развернуться обратно к опушке. Проверил своего бойца... Мертв. А немцы отвлеклись на другую группу, которая так же уходила в лес и очень успешно и грамотно отступала.

Бой еще не был окончен. Деревня огрызалась. Но ее участь была решена. А моя? Моя борьба только началась. В город, в Гомель Там можно и нужно дать бой германцу.

Глава 5

Деревня Хальч. Лес.

17 августа 1941 года.

История с героическим боем советского танка заканчивалась. Я увидел, как из люка вылез танкист, он стал судорожно стрелять из своего пистолета по облепившим машину немцам, двоих вражин свалил. И... у него закончились патроны.

— Бах! Бах! — стрелял я почти не целясь. Далековато, но кого-то подранил. Не мог не помочь.

Но было понятно, что не спасти. Танкист достал нож и сам себя... чтобы не достаться врагу... кровь хлынула из его горла, обрызгав врагов, которые уже тянули руки, чтобы стащить советского танкиста [описан реальный эпизод с танкистом].

Не зажимая горло руками, герой достал гранату. Лимонка ударилась о башню, отрекошетила и взорвалась в толпе немцев.

— Бабах! — взорвался последний аргумент воина, который сражался до конца.

Так, что если бы все были такими же стойкими и мужественными, то никогда фашисты не прошли бы к Москве. А их блицкриг закончился на Днепровском рубеже.

Времени на рефлексию не было и я уже бежал за бойцом со светком в руках, захватив только еще две винтовки, убитого конопатого бойца и брошенную, о которую ранее спотыкнулся. Слезы предательски наворачивались и застилали глаза. Не мои слезы, ЕГО, того, в чьем теле я сейчас находился. Или мои? Но я не признаюсь себе в слабости?

Что делать? Выбор был невелик. Раз уж случился этот безумный подвиг, раз шестеро красноармейцев молча заплатили своими жизнями за то, чтобы этот парень сберег свой сверток — значит, я обязан помочь ему выжить. Иначе все было зря.

Пограничник, как я успел рассмотреть, старшина, скоро был уже рядом. Мы ломились через чащу молча, не тратя драгоценный кислород на вопросы. Темп взяли рваный, загнанный. Я даже не заботился о том, чтобы ступать тихо: мы просто шли напролом, хрустя валежником, продираясь через густой малинник, увешанный тяжелой, перспелой ягодой, и цепляясь за ветки.

— Стой! — резко скомандовал я, падая за толстый ствол сосны.

Свою форму я не менял, петлицы на месте, и вряд ли этот парень знал, что до того момента, как прилетели «штуки» и в деревню вошли немцы, я находился под арестом.

— Сдерживай дыхание. Слишком громко сопишь, — прошипел я, глядя на него.

Старшина тяжело дышал, с натугой хватая ртом воздух. Я скользнул взглядом по его воротнику.

Четыре эмалевых треугольника в потускневших петлицах — старшина. Я не ошибся. Услышав приказ, он стиснул челюсти так, что желваки буграми выступили на грязном лице, и замер, стараясь дышать беззвучно.

Я прислушался. Лес жил своей отстраненной жизнью, но звуки бойни за спиной постепенно меняли тональность, отдаляясь, растворяясь за стеной деревьев. Однако здесь, в чащобе, хватало других шумов.

Слева и справа с отчаянным треском ломался кустарник — различить, кто именно там ломится сквозь бурелом, было невозможно. Но я нутром чуял, да и логика подсказывала: этот тяжелый, загнанный хруст оставляют не немцы. Это такие же, как мы, разрозненные, ошалевшие от внезапного разгрома красноармейцы, инстинктивно вгрызающиеся вглубь спасительной чащи.

В груди вдруг кольнуло гадким, липким стыдом. Разум холодным, расчетливым тоном оправдывался: останься я там, на опушке, в лучшем случае забрал бы с собой парочку фашистских гадов. И всё. Конец истории.

А уйдя в лес, я вырываю у судьбы шанс начать свою войну. На своих правилах. И, кто знает, может, из этой чащи я пушу фрицам столько крови, сколько не пустил бы, красиво и бессмысленно сдохнув у первого же забора. Хотя мне нужно в город. Гомель еще не сдали. Успеть бы еще там дать бой. Везде давать бой, приближая победу как могу.

— Что у тебя там? — тихо, почти одними губами спросил я молодого командира.

Для меня он был именно командиром. В сорок первом слово «офицер» еще не вернулось в обиход, оставаясь ругательством из прошлой, царской жизни, а этот парень с «пилой» на петлицах явно взял на себя больше, чем диктовало звание.

Старшина настороженно отступил на полшага. Уставился на меня исподлобья, затравленно, как волчонок, прижимая грязный сверток к груди так крепко, словно от этого зависела его жизнь. Отвечать он явно не собирался. Пальцы, сжимавшие пистолет, побелели. Секунды утекали сквозь пальцы вместе с адреналином, пока он, наконец, не выдавил из себя хриплым, сорванным шепотом:

— Это полковое знамя.

Воздух вдруг стал тяжелым.

— Теперь понимаю, почему те ребята легли, но тебя прикрыли, — медленно кивнул я, принимая его недоверие как должное. — Как звать-то хоть?

— Старшина Юзефович.

Фамилия то ли белорусская, то ли польская, а может, и вовсе еврейская. Но мне было плевать. В моей системе координат сейчас всё было выжжено до предельной, кристальной простоты: неважно, кто ты по крови — таджик, русский, еврей или белорус. Если на тебе пропостевшая гимнастерка Красной Армии, и ты готов зубами рвать нацистскую мразь — ты советский человек. И мой брат по оружию.

Наверное, я всё слишком идеализировал. Там, в прошлой, мирной жизни, когда смотрел кино, когда жадно впитывал выхолощенные истории про Великую Отечественную, когда на 9 Мая пускал скупую мужскую слезу — я видел лишь парадный фасад. Героикю.

Но теперь я видел всё это воочию. И на собственной шкуре ощутил этот мерзкий, липкий страх, который пронизывал сейчас каждого из отступающих бойцов. Страх, который ломает волю и заставляет людей бежать от немцев без оглядки, моментально превращая солдат в дичь, в стадо на убое.

Кого тут винить? Растерявшихся командиров, не сумевших в критический момент собрать волю в кулак и организовать правильный, огрызавшийся свинцом отход? Или у которых просто не хватило осознания ситуации, навыков?

А никого не хочется обвинять. Но вот за эти самые унижительные, липкие, как канцелярский клей, эмоции малодушия и животного ужаса нужно было просто мстить. С умом, с холодной оттяжкой, а где-то и на кураже.

— Обстановку мы с тобой толком не знаем, так что про это даже не спрашиваю, — прервал я затянувшееся молчание, тяжело опускаясь на мягкий, пружинящий мох. — Только твое мнение. Как думаешь, где хотя бы временно остановят немцев?

Я принялся стаскивать запыленные сапоги. Адреналин начал отпускать, и во время бега я уже отчетливо чувствовал, как грубая ткань сбилась в складки. Если не перепеленать ногу сейчас — натрет кровавые мозоли, и к вечеру я просто не смогу идти.

— Товарищ лейтенант, нам нужно быстро уходить, — напряженно бросил мой немногословный собеседник, нервно оглядываясь на чащу. — Обстановку не знаю. Но Гомель не должны сходу взять. Я был там недавно, собран полк народного ополчения, город частью эвакуирован, техники много, 21-я армия.

Я окончательно понял, что за ситуация вокруг. Нет уже линии обороны. Немцы прорвались через Рослав и должны были взять 21-ю армию в кольцо. Но войска отводят дальше, оставляя город на растерзание. Но больше некуда и незачем. В город!

— Для того чтобы быстро уходить, нужно быстро и правильно подготовиться, — резонно заметил я, разматывая портянку и аккуратно оборачивая стопу сухим краем. — С кровавыми мозолями ты много не находишь. А немцы сюда не сунутся. Лес для них сейчас — смертельная лотерея. По-хорошему, здесь каждый куст может выстрелить. Ты же сам видел, старшина, сколько бойцов драпануло в эти заросли до нас? Пойдут вдогонку — умоются кровью, и фрицы это прекрасно понимают.

Юзович понурил голову. Казалось, он принял на свой личный счет всё то массовое малодушие и панику, что творились полчаса назад в деревне. Его пальцы побелели, сжимая свернутое знамя.

— Не робей, — усмехнулся я, с силой натягивая сапог и пристукивая каблуком по толстому корню сосны, чтобы нога села плотно. — Мы еще повоюем. И обязательно победим. В этом ты даже не сомневайся. Не сейчас, позже, но враг будет разгромлен, и победа будет за нами.

— Риск нарваться на немецкий патруль или оказаться схваченными высок. Конечно, живым я без боя не дамся, один патрон для себя всегда приберегу. Но если примем бой и будет понятно, что нас обложили наглухо, ты должен его сжечь. Врагу оно достаться не должно, — твердо и решительно приказал я, глядя старшине прямо в глаза. Тот молча кивнул.

Затем я с кряхтением встал на ноги. Привычным движением одернул гимнастерку, встряхнул с формы сухую серую пыль и прилипшую комьями грязь, после чего ту же затянул командирский ремень. Поправил сбившийся воротник и хотя бы пятерней кое-как прилизал свои спутанные черные локоны. При случае было бы неплохо раздобыть ножницы и подстричься — хотя волосы пока на глаза не лезли и целиться из винтовки особо не мешали.

— Подъем, старшина! Двигаемся в сторону Гомеля. Строго на восток и только по лесу. К открытым дорогам не выходим — уверен, что они уже под плотным контролем немцев. Помогаешь мне собрать всех тех отбившихся бойцов, которые сейчас разводят панику и бродят по этому богатому лесу. Получится стать большим отрядом, увеличим шансы на прорыв. Пожрать бы... Глаз зацепился за “дары леса”.

Лес вокруг нас действительно был на удивление богат. Прямо здесь, рядом с замшелым пнем, где я только что перематывал сбитые портянки, в поле зрения попадалось просто огромное количество крепких боровиков. Сейчас бы, в мирное время, не спеша заняться в таком лесу тихой охотой, собрать грибов да насушить на долгую зиму...

Не знаю почему, но в своем далеком будущем, где за деньги можно было купить абсолютно все, я всегда с щемящей тоской вспоминал именно бабушкины сушеные грибы. Она их заботливо измельчала, добавляла крупную соль, какие-то свои особые приправы, и потом этой ароматной присыпкой щедро сдабривала то жареное мясо, то утреннюю яичницу. Вкусно было неимоверно.

При воспоминании о еде в пустом животе предательски заурчало. Желудок свело болезненным спазмом — мы не ели уже черт знает сколько.

— Вперед! — скомандовал я, отгоняя неуместные гастрономические видения.

Лес я умел слушать. Это был мой развитый навык, слышать и вычленять звуки. А вот все те, кто сейчас хаотично метался в зеленой чаще, явно не имели ни малейшего понятия, как нужно вести себя в лесу, особенно когда по пятам идет враг. То с одной, то с другой стороны то и дело раздавался предательский хруст сухих веток, приглушенные маты и откровенно панические нотки, сквозившие практически в каждом слове, неосторожно разносившемся среди деревьев.

На особо громкие, беспечные звуки мы со старшиной через часа два и вышли, бесшумно скользя сквозь густой подлесок.

Впереди, на небольшой проплешине, группа из пяти бойцов устроила стихийный привал. Они тяжело, загнанно дышали. Кто-то сидел, обхватив голову руками, а кто-то и вовсе безвольно повалился на прелую землю, раскинув руки. Еще двое красноармейцев наворачивали бессмысленные круги вокруг этой пятерки — видимо, такое у них было выставлено боевое охранение.

К слову сказать, охранение было никакое. Так как и я, и старшина, ступая мягким, невидимым лисьим шагом, абсолютно бесшумно зашли со спины к сидящим на небольшом холмике красноармейцам и в упор наставили на них оружие. Старшина держал их на мушке верного пистолета, а я хищно вскинул винтовку.

— Встать! — рявкнул я, разрезая расслабленную тишину привала хлестким, командирским металлом в голосе.

От неожиданности они вздрогнули, как от пощечины. Только двое из пятерки хотя бы сделали неловкое, судорожное движение в сторону лежащих на земле винтовок, но, наткнувшись на наши черные стволы, мгновенно замерли.

Смотря друг на друга, нехотя, с тяжелым вздохом, они стали медленно подниматься с земли.

— Как старший по званию, подчиняю вас себе! — жестко, чеканя каждое слово, приказал я.

— Товарищ командир, а никак нельзя оставить нас в покое? Навоевались мы, — кривя губы, ответил один из них.

Как можно было понять по той наглости, с которой вообще прозвучал этот вопрос, он был здесь неформальным лидером. Хотя и тон был не такой, словно бы с вызовом. Этот боец проявлял разочарование, нежелание, но не отказался, словно бы просил, при том, что знал заранее о последующем отказе.

— Бойцы... вы присягу давали. И больше терпеть неповиновения не буду, — сказал я.

Хотя настоящими бойцами они станут только тогда, когда перестанут находиться на грани дезертирства и животного паникерства. Пока же это было просто вооруженное стадо.

— Встать! — рявкнул я, делая шаг назад и с сухим металлическим лязгом передергивая затвор винтовки. Желтый патрон скользнул в патронник.

— А ну, шакал, опусти винтарь! — вдруг послышался хриплый голос справа.

Я бросил туда быстрый, оценивающий взгляд. Старшина Юзефович уже плавно поворачивался, направляя свой табельный ТТ в сторону появившегося из кустов второго бойца из так называемого охранения. Тот держал меня на мушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.